

ДНЕВНИК- ВОСПОМИНАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРА Е.Х. ГУСЕВА

Публикуемые дневники представлены **Дмитрием Евгеньевичем ГНЕВАШЕВЫМ**. Вступление, подготовка к печати, подбор иллюстраций - **Сергей Павлович БЕЛОВ**

Мобилизация, 18 июля 1914 года.

Летом 1914 года, июля 18 дня, я огребал сено на ручье в поле, которое у Голенева, и вот я очень спешил, потому что был я один, жена была больная после родов. У нас жил мальчишко Петрушка в качестве няньки.

Вдруг прибегает этот Петрушка ко мне на покос и говорит: «Дядюшка, тебя требует полицейский». Я говорю: «Зачем?» Он говорит, что полицейский требует немедленно, не знаю зачем. Потом я слышу голос моей жены, она идет и плачет во всю голову. Спра-

шиваю: «Что такое?». Отвечает: «Ой, Еня, милый, всех солдат требуют на войну. С кем же я останусь? Как буду жить? Работать некому, сама больная, ребятишки маленькие». Я ей говорю, что меня, наверно, не возьмут, потому что я состою во втором разряде запаса. Потом мы вместе с женою пошли в деревню, а там уже было приколочено объявление, что весь запас как первого, так и второго разряда, призывается на действительную службу и должны сегодня же в три часа ночи быть в своих волостных правлениях.

Тут сердце у меня упало. Вся мрач-

Император Николай II 20 июля (2 августа по новому стилю) обратился к народу с балкона Зимнего дворца с манифестом об объявлении войны с Германией. Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы царь обратился к людям с торжественным обещанием не кончать войны, «пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем».

«Россия радостно встретила объявление войны, - писала «Петербургская газета». - Массы населения повергают к стопам Государя Императора одушевляющие их чувства любви и преданности и свидетельствуют свою готовность принести жизни за спасение родины, за славу Государя и Отечества».

ная перспектива встала у меня перед глазами. Бедные дети, бедная жена, что они будут без меня делать, как будут жить?! Один я в семье работник, и того отнимают. Посмотрел я на своих малюток, и слезы полились из глаз. Потом я еще съездил за сеном два раза, выпряг лошадь, пришел к себе в дом. «Ну, - говорю, - давай, Саня, помолимся Богу. Недолго мне с тобою жить, разлучают нас». И оба встали пред иконами на колени и залились слезами.

Господи! Неужели я больше не увижу родных детей и дорогую жену?! Потом я говорю: «Ну, Саня, приготовь мне белье и поставь самовар. Попьем чаю, и отправлюсь я туда, куда требует меня начальство». Собрались все соседи, и все сожалели. Отправлялись со мною из деревни Дмитрий Константинов и Александр Иванов.

Когда пили чай, Пашутка сидел рядом со мной, он как-то затуманился, зажурился.

Спрашивает меня: «Что, тятенька, дом-то большой на войне?» И потом просил, чтобы я привез яблоков по возвращении с войны. Он долго сидел рядом со мной и наконец заснул. Я отнес его на постельку. Катя тоже спала, я со слезами благословил их, в то же время думая: «Господи, верни обратно живым и невредимым для этих маленьких крошек!» Потом благословил мя божатку иконою, я попрощался с соседями. Жена бросилась мне на шею с рыданиями, я насилу оторвался. И вот подвода, назначенная для сопровождения нас, подъехала к моему дому. Сели мы в телегу и, напутствуемые словами: «Спаси вас, Господи, верни вас, Царица небесная, живых и невредимых», - поехали в волостное правление. Жена провожала меня до Соколова.

19 июля из волости на подводах мы отправились в свой уездный город. Тут мы прожили три дня, а 22 июля уже ехали по железной дороге. Мы были назначены в 296-й Грязовецкий полк. Проезжали Вологду, Череповец,

Тихвин и Петроград. В Петроград приехали мы утром 26 июля. Остановили нас на Николаевском вокзале, потом передаточно нас перевели на Балтийский путь, сделали остановку и погнали нас на обед по Лиговке. Улица не очень широкая. Шестиэтажные каменные дома тянутся сплошной стеной. Массы народа движутся во всех направлениях. Трамвайные вагоны, извозчики, стук, шум, грохот сразу поразили нас. Обеду для нас не было. И мы поехали на Петергоф. В это время, когда мы проезжали, из окон домов, с фабрик и гуляющая публика - все махали платками и кричали «ура», подъем духа чувствовался необычайный. Все с ненавистью говорили о немецком коварстве и о всех зверствах, которые творили немцы. У каждого человека в руках была газета: пешеход ли то был, или же ехал на трамвае, на извозчике, на автомобиле - все читали газеты. Газетчики прямо осаждались публикой, газеты брались нарасхват.

26 июля к вечеру мы приехали в старый Петергоф. От Петрограда до старого Петергофа 4 станции: первая - Лигово, вторая - Сергиево, третья - Стрелка, четвертая - Новый Петергоф.

Старый Петергоф - город дачный. Домов не видно - все утопает в зелени садов. Большие парки устроены по берегу финского залива. Масса фонтанов и статуй украшают парк. Есть дворец Государя императора. Есть

Рытье окопов. Снимок 1914 года

очень роскошные дачи с куполообразными кровлями, со шпицами. Город тихий и уютный.

Пригнали нас в драгунские казармы, но на время поместили в драгунском манеже. Это большое каменное здание, в котором были ранее занятия на конях.

Когда с Девятковым вошли мы в манеж, то сразу даже ошеломил нас шум, который тут был. Более тысячи человек лежали и сидели на нарах. Говор, смех, крики - все это сливалось в какой-то невообразимый хаос. А дым от курения носился целыми облаками. Тут мы пробыли три дня. Здесь же мы получили обмундирование и назначение во 2-ю роту.

Затем нас перевели в казарму, которую занимали драгуны, они уже до нас были отправлены на позицию. Казармы каменные, трехэтажные. Сделаны для размещения четырех эскадронов. В нижнем этаже - кухни, столовые и отхожие места; во втором этаже поместились мы, то есть вторая рота.

Ежедневно нам производили занятия: три раза ходили на стрельбу, потом в августе ходили на месяц на охрану окопов, которые вырыты для защиты Петрограда по берегу Финского залива. На окопах работали тысячи народа за хорошую плату. Чернорабочий получал 1 р. 75 коп., а плотник - 2 р. 50 коп. Пища нам на охране была хорошая: мяса вволю, хлеб же продавали, сахару тоже выдавали достаточно. Когда мы еще были на охране, нашего полка четвертый батальон отправили на позицию.

Стали и мы подумывать, что и нас ожидает та же участь.

19 сентября возвратились с охраны окопов.

20 сентября мы исповедались и причащались святых Христовых тайн.

22 сентября мы утром стояли на занятии. Вдруг приходит батальонный командир, поздоровался, потом говорит: «Вот, братцы, ротные коман-

Император Всероссийский НИКОЛАЙ II.
Снимок 1914 года

дыры тянули жребий, и досталось, что первые взводы должны ехать на позицию на пополнение разбитых частей, и потому, братцы, поздравляю вас с походом». «Покорнейше благодарю», - ответил первый взвод. «Ну, а теперь идите обедать, а в три часа - молебен и отправка на вокзал».

23 сентября нужно было послать 50 человек за лошадьми в Петроград. Я охотно поехал в Петроград. Туда ехали на поезде железной дороги, приехали на Балтийский вокзал. Идти нужно было на Марсово поле. Шли Вознесенским проспектом, Морской улицей, мимо Исаакиевского собора, мимо Зимнего дворца и по Миллионной улице. Вышли на Марсово поле. Тут стоят казармы лейб-гвардии Павловского полка. Получили мы тут лошадей и верхами поехали обратно. Ехали Садовой улицей. Улица очень хорошая, большие красивые дома, золоченые вывески магазинов. А сколько движения по этой улице, Господи Боже мои, мы с трудом проеха-

ли! Трамвай, легковые извозчики, масса на автомобилях, одним словом, кипит, как в котле. Проезжали мимо Путиловского завода. Громадный завод, на котором отливают пушки и живут тысячи рабочих.

4 октября нашей 74-й дивизии производил смотр государь император на Кавалерийском плацу под Новым Петергофом.

Когда мы построились в резервном порядке, то со станции подъехал верхом на лошади государь император в сопровождении свиты и казачьего конвоя. Здравовался государь с нами словами: «Здравствуйте, братцы». После ответа: «Здравия желаем, ваше императорское величество!», - мы долго кричали несмолкаемое «ура», лицо у государя было опустившимся и казалось утомленным. После этого государь пропустил нас два раза церемониальным маршем и изволил говорить нам свое царское «спасибо, братцы».

1 октября ездил гулять в Петроград. Ходил на Невский проспект, видел памятники Суворову и Барклауде Толли. Проходил Аничковым мостом с громадными статуями на конях через Фонтанку.

Потом был у собора Исаакия Далматского: огромные колонны окружают собор. Я измерил в одну сторону ширину здания и намерял 144 шага. Окраска серая, неприветливая. Купол наверху громадный. Потом был у памятника Петру Великому на коне и с венком на голове, видел здания Сената и Святейшего Синода. Видел также памятник Александру Третьему и памятник Екатерине Второй. Высокая колонна на Дворцовой площади, охраняют старые ветераны в живописной форме, золотая рота. Видел Неву и мост через нее.

6 октября вечером после ужина пошел к товарищу Дмитрию Девяткову. Он был в команде связи, а помещалась команда связи в том же здании казармы, только в другом конце и в нижнем этаже. Вот только я спус-

тился в нижний коридор, как навстречу мне бежит Девятков. Первые слова были: «Гусев, пойдем баб наших встречать! Они сейчас приедут с одиннадцатичасовым!» Я удивился и обрадовался такой неожиданности. «Кто тебе сказал, что приедут?» - спросил я. «Сказал мне Сизов. Он их видел на вокзале в Вологде, пойдем скорее». Я побежал к фельдфебелю, чтобы он отпустил на станцию. Он мне написал записку до позднего времени, и мы с Дмитрием побежали на станцию. Прибежали мы еще за полчаса до прихода поезда и стали с нетерпением ждать. Вот ударил колокол, извещая, что поезд вышел со станции Новый Петергоф. Мы стали смотреть по рельсам. Вдали показались огни паровоза, все ближе, ближе, наконец, поезд втянул все вагоны и остановился. Захлопали дверцы вагонов. Пассажиры стали быстро выходить. Вот прямо против нас вышли из вагона две женщины, и я сразу же узнал тоненькую фигуру моей жены. Встреча была неожиданной и радостной, хотелось поскорей узнать об доме, об детях, ведь три месяца не виделись. Саня гостила у меня 4 дня, а потом я проводил ее на станцию и со слезами простился. «Господи, - думалось мне, - неужели больше никогда не увижу?» Уехала она 10 октября.

18 октября после занятия ротный командир штабс-капитан Нечаев пришел в казарму и поздравил нас с походом.

А 21 октября наш полк в полном составе отправлялся на позицию. После водосвятного молебна пообедали мы в последний раз в Петергофе. И в полном снаряжении на казарменном дворе пропели «Царю Небесный» и «Спаси, Господи, люди твоя». И пошли на посадку в вагоны на станцию Новый Петергоф. Состав поезда был уже приготовлен. Нас рассчитали по сорок человек в вагон и приказали садиться. Вся платформа около поезда была загружена вольной публикой. Это родные и знакомые пришли проводить своих дорогих лиц. Там пла-

кала жена и маленькие дети, провожающие своего мужа и отца, тут мать и отец, благословляющие своего сына на ратный подвиг, - всюду слезы и подавленные рыдания. Много солдат было Петергофского уезда, и их окружала толпа родных. Давали подарки. У меня никого не было из близких, и я этим был доволен. Лучше так-то: меньше горя и слез. Сколько ни тужи, а судьбы своей не избежишь.

Я мысленно прощался с дорогою семьей и благословлял ее. Но вот свисток, подали паровоз, пыхтя, потянул по рельсам вагоны, все дальше и дальше удаляясь от стоявшей публики. И далеко видно было, как махали платками и кричали «ура», некоторые женщины далеко бежали за поездом, но, обессилев, останавливались и, подняв руки, плакали навзрыд.

Когда все это скрылось из виду, солдаты запели в вагонах песни, и понеслись они тоскливо и жалобно по окрестным полям, и слышались в них горе души и затаенные слезы по оставленной семье. Пел и я, и думалось мне: «Господи, что ожидает меня впереди? Буду ли я убит или же возвращусь обратно в свою семью?» Еще думал я тогда, что, может быть, пока мы прибудем на позицию, кончится война. Но жестоко в этом ошибался.

Ехали мы по железной дороге 9 дней. Скорым ходом. Остановок совсем не было. Только остановки были на обед и на ужин. Обед готовился на поезде. Проезжали мимо Царского Села, потом мимо Гатчины. Станция Семир Виндав Рыбинской железной дороги. Станция Чолы Новгородской губернии. Станция Сущево Псковской губернии.

22 октября, станция Дериги.

В ТЕМУ

ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

25 октября 1914 года

Продолжавшиеся свыше трех недель упорные, почти бесперывные бои на Сана и к югу от Перемышля разрешились 23 октября общим отступлением австрийцев. Еще накануне этого дня австрийцы произвели последнее усилие, чтобы отбросить наши войска, переправляющиеся через Сан. До глубокой ночи неприятель

на значительном фронте производил атаки, наступая последовательными густыми цепями, но повсюду был отброшен с огромным для них уроном. 23 октября неприятельские колонны потянулись от Сана в направлении к Дуклинским проходам через Карпаты. Южнее Перемышля неприятель стремился повсюду выйти из боя. На всем его фронте мы энергично преследуем.

В ночь на 23-е проехали город Витебск на Днестре. Станция Шлов Могилевской губернии. Город Могилев на Западной Двине. Станция Жалобин на Днестре. И затем Киев на Днестре. Мост через Днестр длиной 1 версту с четвертью. Подъезжали мы к Киеву вечером, с моста было видно вправо горы. По берегу Днестра высились колокольни и кресты - это Киево-Печерская лавра. Город расположен на горах. Осмотреть его нам не пришлось. Остановили наш поезд на запасном пути. Тут около вокзала на дворе, обнесенном забором, стояла толпа пленных австрийцев, человек более 1000. Мы с интересом смотрели на них, давали им папирос, хлеба. Они все это наперебей брали у нас. Поехали далее по Волынской губернии. Навстречу попадалось много санитарных поездов с ранеными и пленными австрийцами. А когда мы приехали на пограничную станцию Радзивиллов, то тут пришлось стоять более суток по причине скопления поездов. Станция эта разгромлена австрийцами. Здесь в начале войны австрийцы ворвались в Волынскую губернию и много натворили бесчинств. Местные крестьяне рассказывают, что солдаты насиловали женщин и девушек.

В ТЕМУ

ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

26 октября 1914 года

В Галиции австрийцы покинули при отступлении многих больных холерой в Ярославле, Пржеворске и деревнях близ Сана.

Со станции Радзивиллов мы приехали ночью на станцию Броды. Было холодно, дул холодный и пронзительный ветер. Вдруг поезд остановился. Нам приказали вылезать из вагонов. В вагонах было тепло. Мы спали. Ночь была холодная.

Солдаты еще к походам не привыкли, обтерли себе ноги, плечи болят от снаряжения, ночью стонут, а на утро еле раскачаешься. У меня ноги болели страшно, и сам уставал, другой раз едва дотянешься до ночлега. Но благодаря Бога ног я ни разу не обтирал и нажимов не было.

Утром 31 октября вышли из Явора, пошли дальше по шоссе, там, в Галиции, очень много шоссежных дорог, что для походов очень хорошо, в особенности для артиллерии и обозов.

В этот день до нашего слуха стали доноситься глухие орудийные выстрелы, раньше мы не слышали, мы шли в направлении к Перемышлю. На половине дороги дневного перехода всегда делали большой привал. Солдат сводили с дороги, строили поротно в резервную колонну, составляли ружья, снимали мешки, и солдаты разбежались - кто за дровами, кто за водой, чтобы нагреть чаю. В это же время подъезжали походные кухни и выдавали обед. Наскоро пообедав, шагали дальше. В этот день переход был особенно большой - 42 версты.

Шли целый день, да пришлось захватить и ночи. Сделалось темно. Стал накрапывать дождь, многие уже едва тащили ноги, а некоторые селились у дороги и не могли идти дальше. Потом подул холодный ветер, сделалось страшно холодно.

Здесь, как мне пришлось испытать, погода резко меняется. Вдали по дороге виднелось зарево, мы стали думать, что это какой-нибудь город и от электричества видно зарево, но шли-шли, а города не было. Потом с левой стороны дороги вдруг нас осветили лучи - это сильный прожектор из Перемышля освещал окрестности. Он как бы нащупывал в темноте. Все предметы

становились видны как днем, куда направлялся луч света, до этого времени солдаты некоторых рот пели песни, тут же все перестали, впоследствии мы узнали, что в эту ночь была сделана вылазка из Перемышля, и в одном месте им даже удалось прорвать кольцо. Но тут подошла наша 52-я дивизия, и они обратно убежали в крепость. Наконец мы подошли к огням, которые мы давно видели, - это пылали костры из дров между походными палатками. Здесь расположились на ночлег Ижорский и Березинский полки бивуаком. Наш полк свернул вправо от дороги, и в ближайшей деревне нас разместили в сарае на ночлег.

В сарае, в который попал я, была солома, и вот я зарылся в солому, как крот, чтобы сколько-нибудь согреться. Не грел я в тот день и чаю - уж очень устал. Рядом со мной зарылись товарищи, согревшись, я уснул. Проснулся перед утром, озябли ноги. Слух мой тревожно ловил гудение орудийных выстрелов - это тяжелые орудия из Перемышля колебали воздух. Я с замиранием слушал их и в то же время думал, что ожидает меня дальше. Как я буду сидеть в окопах в холода: сапоги у меня были маленькие, с одной портянкой. Наверно, отморожу ноги, решил я.

Наконец рассвело, мы нагрели чаю. Выдали нам масла и хлеба,

Походная кухня русской армии. Открытка 1914 года

и стало гораздо веселее, днем всегда лучше.

Я пошел в одну халупу и написал письмо домой, здесь нам была дневка. Это было 1 ноября. Мы здесь ночевали еще ночь, вечером пошли в одну халупу, так заказали наварить картошки. Полячка изготовила нам с салом, за меня платил Дмитриев, у меня в то время денег не было. Здесь же попили чаю и легли в халупе спать, а на утро 2 ноября опять отправились в поход. Переход был назначен 42 версты. По дороге переходили реку Сан, на которой русские войска под огнем неприятеля делали переправу. Здесь бой происходил 27 дней, это был самый ужасный бой. В Галиции войска наши переправились через реку и погна́ли австрийцев дальше.

К вечеру мы пришли в город Ярослав. Город большой и хороший. Много больших и хороших казенных зданий, но торговли тогда совсем не было, потому он недавно был занят русским. Он переходил два раза из рук в руки. Но разрушенных домов мало. Нас поместили в больших трехэтажных казармах. Вечером мы с Дмитриевым ходили в город в надежде найти что-нибудь съестного, но ничего не нашли.

Ночью город представляет печальную картину: дома стоят мрачные, высокие, ни одно окно не освещено, жители выехали в глубь Австрии, осталось только бедное население на окраинах города. На улицах только солдаты русской армии в поисках чего-нибудь съестного, но ничего нет.

3 ноября была дневка в Ярославле. Я написал два письма: 1 в Ярославль и письмо жене. Здесь же переночевали еще ночь, и утром 4 ноября наш первый батальон повели в резерв к

Перемышлю, здесь мы остановились в верстах в 20 от Перемышля, от Ярослава до Перемышля 25 верст. Остановили нас на поле около узла дорог, здесь мы раскинули походные палатки и варили чай и картошку. Ротные командиры съездили к Перемышлю осматривать наши передовые позиции. Наше осадное кольцо находилось в 9 верстах от Перемышля. Солдаты наши сидели в окопах. Неприятель стрелял из тяжелых орудий. Мы отрывали наших солдат из окопа, тяжелым снарядом их зарыло в землю. Когда отрыли, их было двое, они оказались живы и невредимы, но страшно перепуганы. Вблизи окопов была деревня, по деревне в тот день было выпущено 500 снарядов. Всю деревню буквально срыли и сожгли снарядами, два форта были заняты нашими войсками, но штурмовать крепость не решились, потому что у нас не было тяжелой артиллерии, поджидали на днях подвозу 20 орудий 12-дюймового калибра.

Здесь мы простояли до вечера, а вечером приехал казак с приказанием идти обратно в Ярослав. Ночью мы пришли в Ярослав и здесь ночевали еще ночь.

3 ноября мы утром пошли в поход. Переход был назначен 38 верст, к походам стали привыкать, меньше людей стало отставать. Только хлеба давали мало, зато уж на ночлегах картошку не зевали варить. К часам 9 вечера мы пришли в город Син... Ночевали в кавалерийских казармах. Здесь я был дежурным по роте.

6 ноября переход был 45 верст.

В полдень проходили мы мимо города Русенова, здесь находился в то время штаб 3-й армии, в которую нас и направляли. Здесь в городе встре-

В ТЕМУ

ПЕРЕМЫШЛЬ (польск. *Przemysl*, нем. *Przemisl*, лат. *Premislia*) - город в австрийской провинции Галиции, на реке Сяне (Сяне); жителей около 36 тысяч. Перемышль с 1874 г. сильно укреплен (лагерь с шанцами, многочисленные форты). Два древних собора, несколько монастырей, римско-католическая и греко-католическая (униатская) семинарии, гимназия, женский учительский институт, высшее городское училище, частное девичье училище. Торговля лесом, пшеницей, кожами, холстом и полотном.

чал нас командующий третьей армией болгарский генерал Радко Дмитриев и здоровался с нами. Он небольшого роста, плотно сложенный, на вид ему лет пятьдесят, на груди новый Георгиевский крест. Он говорил нам: «Ребята, австрийская армия разбита, вам остается только добить ее».

Ночью мы пришли в городок, названия не знаю. Солдаты здесь нашли склады яиц, носили их фуражками и варили, как картошку.

7 ноября утром мы пошли дальше, было холодно, ночью навалило мокрого снега, дорога сделалась обледенелой, невозможно было стоять на ногах. Солдаты поминутно падали, местность здесь гористая, лошади в обозе не могли взбираться в гору, а под гору их толкало возом, и они не могли удержаться на ногах. Много лошадей сломали себе ноги, а другие убились. К вечеру пришли в город Дембицы, прошли мы в тот день 35 верст.

Это небольшой городишко, он выжжен. Немного в нем уцелело домов. Когда мы вошли в него, то горели торговые ряды. Солдаты таскали трико целыми кусками и рвали на портянки, а у нас в роте был солдат Серов, над ним всегда смеялись: «у него были не все дома» - он принес целый кусок ситца. Солдаты говорили ему: «Серов вези ситец домой, бабе на сарафан

пригодится», - а некоторые нашли спирту и понапивались.

8 ноября здесь была дневка, нам выдали жалованье. Я ходил за город за картошкой, ее много было там, на полях, поверх земли насыпают большую кучу картошки, а поверх засыпают песком. Здесь я встретил Василия Павловича Меншинского, он тоже пришел за картошкой и жаловался, что трудно очень в походе и плохо кормят. Он был в 11-й роте нашего полка.

Принес я картошки, Дмитриев купил сала, наварили мы ее с салом и славно поели.

Переночевали здесь еще ночь и утром 9 ноября пошли в поход. В этот день мы были назначены в передовой отряд и боковые заставы. Наш взвод назначили вправо, в походную заставу. В заставе идти гораздо труднее: войска идут по шоссе, а нам приходится идти полосами, болотами, переходить ручьи.

Так мы шли до двух часов дня, а затем нас с большого привала отменили, и мы пошли по шоссе. Навстречу нам стали попадать пленные австрийцы, они были голодные, просили у нас, коверкая язык: «Пане, дай цукариска, дай табаки». Солдаты давали, кто имел, сухарей, табаку, но в большинстве и у самих ничего не было. К

вечеру, то есть ночью, пришли в город Тарнов. Город небольшой, но довольно красивый, много хороших улиц и красивых домов. Электрическое освещение. Трамвай в полном ходу. Домов не разрушено ни одного, торговля идет своим чередом, магазины открыты, только из съестного ничего не было. Большая масса солдат, трудно здесь достать торговцам муки, а сколько выпекали, то это раскупалось нарасхват.

Здесь очень красивые костелы.

Ночевать нас привели в большие казармы, отсюда уже ясно доносились с позиций пу-

В русских окопах во время боя. Снимок 22 ноября 1914 года

шечные выстрелы, здесь говорили, что до позиций верст 18. Все время, покамест мы шли от Перемышля, неприятель все отступал, и мы, идя быстрыми переходами, не могли догнать его. Стало быть, отступление австрийцев было очень быстро.

Переночевавши в Тарнове, утром 10 ноября мы вышли из города и пошли уже в другом направлении, нас повернули в Келецкую губернию.

Шли мы целый день и до 11 часов ночи. Затем нас привели в какую-то деревню, название не знаю. Было в ту ночь страшно холодно, дул холодный, пронизывающий ветер. Мы думали, что нас разместят по халупам и мы обогреемся, но вышло не так: халупы заняли офицеры и ротные канцелярии, разные обозные, и нас разместили по сараям. В сарае, в который попал я, была только ржаная солома, сена совершенно не было. Сарай в Галиции не из бревен, а сплетен из хвороста, ветер ходит во всех направлениях. Усталые и продрогшие, мы с Дмитриевым легли на полу на солому, а сверху накрылись тоже той же соломой. Поесть у нас тогда было нечего. Сапоги мы всегда снимали, когда ложились спать, потому без сапог ноги скорее согреваются. Обвертишь ноги портянками - так и спишь, от усталости, понятно, мы уснули. Проснулись утром еще темно, стал я надевать сапоги, а они замерзли и на ноги не лезут. Тогда я босой побежал в халупу, где помещался фельдфебель, и там я надел сапоги, прежде оттаявши их у печки.

Вышли темно 11 ноября и пошли уже не шоссеиной дорогой, а где придется. Часов в 9 утра мы пришли к речке Висле, здесь уже слышна была

стрельба не только орудийная, но даже и ружейная, и слышно было, как трещали пулеметы. Через Вислу был устроен понтонный мост. Когда проходим, мост качался, и лед по реке плыл и напирал на мост, понтонеры баграми отталкивали лед.

Перейдя через Вислу, мы вступили на русскую землю, это была Келецкая губерния. Здесь мы проходили деревней. Тут было много наших раненых и убитых. Убитых отпевал священник у братской могилы, от позиций было верст пять. Там в это время происходил упорный бой, слышалась орудийная стрельба и залпами из ружей. Характерные звуки «та-та-та-та», слышались непрерывно - это трещали пулеметы. Аэропланы, словно громадные хищные птицы, пролетали над позициями, высматривая войска противника.

Дальше по дороге началась гора. Когда мы стали подниматься на гору, нам стало видно то место, где происходил бой, пороховой дым окутывал окрестности. Но я войну представлял совершенно иначе, чем здесь. Я думал увидеть массу войск, но ничего подобного, ни одного человека не было видно на поверхности земли. Стрелковые цепи на передней позиции сидят, в окопах на поверхности одни головы. Резервы, что находятся позади цепи, тоже в окопах. Только видны были наши артиллерийские батареи, расположенные в лощинах за горами, так, чтобы неприятель не мог увидеть их. Неприятельские позиции было не видно за дымом и за дальностью расстояния. Только видно было, как рвались ихние шрапнели в воздухе, после взрыва остаются красные клубы дыма.

Тут по дороге я встретил Николая Уткина: «Ну, Евгений, - сказал Уткин,

В ТЕМУ

ТАРНОВ (польск. *Tarnow*, малорусск. *Тернов*, в русских летописях *Тернава*, *Тернав*) - город в австрийской провинции Галиции, близ впадения р. Белой в Дунаец. Старинный собор, красивая ратуша, гимназия, учительская семинария, богословское училище, епископская семинария, сельскохозяйственная и садоводная школы; производство сельскохозяйственных машин, свечей и мыла, стеклянный завод, паровые мельница и лесопильня. Значительная торговля. Жителей (1890) 27574, преимущественно поляки (11677 евреев, 543 немца, число русских неизвестно). Памятники (в соборе) князя Януша Острожского и графа Тарнов-Тарновского.

- наверное, скоро придется пропасть». И бой разгорался не на шутку, даже земля дрожала от орудийных выстрелов. Выстрелы сливались в непрерывный гул.

Здесь дрался 10-й корпус 3-й армии, а мы шли в резерв, то есть на помощь.

Подожли мы к одной деревне, называлась она Кролевицы, и здесь стали в резерве, готовые по первому требованию идти в бой, но в этот день нас не потребовали, а к ночи нас развели по сараям на ночлег.

Переночевавши, мы на следующий день, 12 ноября, остались в этой же деревне. Варили чай и картошку, а хлеба не было. Мы с Дмитриевым послали добровольца Федосова в соседнюю деревню купить что-нибудь, дали три рубля денег.

Он принес фунта четыре черного хлеба и вареного гуся, за хлеб заплатил 1 р. 30 к., а за гуся 1 р. 50 к. Хлеба здесь на деньги не могли достать, денег не жалели.

13 ноября день простояли тоже здесь. Австрийцев за это время сбили с позиций, и они отступили в глубь Австрии.

Ротный командир нам объяснил, что нас не потребовали в бой потому, что наших войск было много на позиции, 200 шагов занимала рота.

14 ноября, утром, мы вышли из деревни и пошли вслед отступающего неприятеля.

В 12 часов дня мы проходили мимо одного местечка, налево от дороги протекала речка, на речке стояла водяная мельница, а на том берегу стояла целая дивизия пленных австрийцев с офицерами и во главе с генералом. Их отрезали от главных сил противника, и они были вынуждены сдаться в плен.

Здесь же был большой привал. Победивши, мы пошли дальше и к вечеру пришли в деревню Кухары той же Келецкой губернии Пинчковского уезда.

В ТЕМУ

ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

29 октября 1914 года

На путях к Кракову мы достигли Мехова. В Галиции наши войска переправляются через Вислоку, занимают Ржешов - Дынов - Лиско.

30 октября 1914 года

На Галицийском театре наше энергичное наступление продолжается.

31 октября 1914 года

В Карпатах австрийские арьергарды, удерживающиеся на переправах через Верхний Сан, в районе Санок, атакованы нашими войсками.

1 ноября 1914 года

В Галиции наше наступление к Дунайцу не встретило сопротивления. При занятии нами Кросно нанесен сильный урон австрийскому арьергарду. В районе Санок и Турка, где мы к утру 29 октября овладели ночным штурмом сильно укрепленными позициями неприятеля, австрийцы перешли в отступление.

2 ноября 1914 года

В Галиции нами занят Тарнов.

3 ноября 1914 года

Наше движение на Краков продолжается. В Галиции австрийцы пытаются организовать оборону на реке Дунайце, в районе к западу от Жабно - Тарнов, и на Вислоке, в районе Ясло; на южном участке галицийского фронта наши войска продвигаются к перевалам через Карпаты.

4 ноября 1914 года

Наше наступление к Кракову, а также на галицийском фронте продолжается. Попытки австрийцев задержаться на путях нашего наступления терпят неудачу. В происходивших в районе южнее Лиско боях 31 октября нами взято в плен 10 офицеров и около 1000 нижних чинов.

5 ноября 1914 года

В Галиции австрийские арьергарды атакованы нами в районе Дукла и на перевале Ужок.

6 ноября 1914 года

На фронте Ченстохов - Краков наши войска атакуют значительные силы неприятеля, причем у Владовице противник обращен в бегство. В Галиции мы постепенно занимаем перевалы через Карпаты.

7 ноября 1914 года

В западной Галиции наше наступление продолжается.

8 ноября 1914 года

Упорные бой на фронте Ченстохов - Краков. За 4 и 5 ноября взято в плен до 3000 австрийцев.

9 ноября 1914 года
Сражения на пространстве между Вислой и Вартой и на фронте Ченстохов - Краков продолжаются.

В Западной Галиции наши войска продолжают наступать.

10 ноября 1914 года
Сражение на пространстве между Вислой и Вартой продолжается с крайним упорством. Нами достигнуты некоторые частные успехи. Бои на фронте Ченстохов - Краков не внесли существенных перемен. Нами взято до 2000 пленных и пулеметы.

В Галиции австрийцы под давлением наших войск очистили Новый Сандец.

11 ноября 1914 года
На фронте Ченстохов - Краков и в Галиции без существенных перемен.

Взято из разных номеров журнала «Летопись войны 1914-1915 гг.», часть фотографий взята из этого же издания

Прошли мы в тот день верст 25. Ночевали в сараях, было холодно ноги мои страшно зябли в моих маленьких сапогах, а выстрелы из орудий были слышны невдалеке.

15 ноября, дневка в этой же деревне. Хлеба и сухарей нет, варили картошку, соли тоже нет. Один котелок съедаем, а другой начинаем варить, живот полный, а есть все хочется.

С версту от деревни - высокая гора там были сделаны австрийские окопы, гора идет почти стеной, и атакой выбить противника здесь было трудно. Поэтому наши войска по указанию одного старика-поляка, обошли эту гору оврагами, зашли в тыл противнику и ударили в штыки и сбили его с позиций, а спереди наступал один батальон, чтобы отвлечь внимание противника.

Мы с Дмитриевым ходили на гору смотреть австрийские позиции. Окопы у них устроены с блиндажами, с бойницами. Масса

убитых австрийцев валялись на земле. Все больше убитых штыковыми ударами, у многих вылезли внутренности наружу. Были наши убитые солдатики, а ружей, патронов, Боже мой, сколько валялось здесь, страшно было смотреть, что людей погубило здесь!

Когда мы возвращались обратно, то наш полевой священник отпевал тело убитого солдата; убило его в этом бою. При нем нашли записную книжку, он родом Курской губернии, Тит Захарович Морозов. Когда зашли со святыми упокой, у всех солдат текли слезы. Потом в шинели опустили в землю и засыпали землей.

16 ноября. Стоим в той же деревне. Греемся на воле, у огня. Погода холодная. Получили 1/4 фунта хлеба. Вечером того же дня пошли в поход, переходили обратно Вислу и вступили на австрийскую землю (Галиция), здесь много прекрасных шоссежных дорог. У нас же в Келецкой губернии дороги грязные по колено.

Ночью мы пришли в деревню Малые Креженовацы, здесь у костра провели ночь, у всех развелось масса вшей, и вот над костром давай трясти вшей, я тоже трясу и сожгу теплую рубашку. Деревня эта на реке Рав

Обед на привале. 24 декабря 1914 года

(Рабе), которая течет в Вислу. Хлеба не получили, варим картошку.

17 ноября.

Утром получили по 1/2 фунта хлеба и по 1/2 сухарей. К вечеру мы пришли в город Бохнию. Городок небольшой, но чистенький, дома не разрушены, а торговли нет. Нас развели по квартирам, поместили в хорошем доме. Картины, зеркала, мебель, но есть нечего. Некоторые солдаты ходили в город, понапивались пьяные, нашли в городе спирт.

От Кракова до Бохнии 42 версты.

18 ноября.

Вышли из Бохнии, отошли 10 верст. Погода теплая, на дороге грязь, местность по которой проходим, очень гористая. Ночевать пришли в деревню Навышковцы, здесь получили по 1 фунту сухарей. Ночевали по сараям.

19 ноября.

Стоим в той же деревне недалеке. Гремят орудия. Выдали по 1 фунту сухарей и 12 золотников пшеничной муки. Пекли на ложечках блины. Картошки здесь много, ротный командир купил целую яму. Варим в котелке и едим.

20 ноября, четверг.

Получили по 1 1/2 фунта сухарей. Погода хорошая. Ходили в баню. Баня устроена в польской халупе, только выпачкались. Вечером неожиданно пришел приказ выступать. Пошла вся наша 74-я дивизия и артиллерия, 293-й Ижорский, 294-й Березинский, 295-й Свирский и 296-й Грязовецкий полки.

Пошли влево от Бохии, по фронту, местность туда пошла еще гористее, высокие горы, поросшие мелким лесом. Прошли мы верст 15, и остановили нас в одной деревушке, название - Виши. Огня не приказали разводить, снаряжение тоже не приказали снимать. Здесь легли мы в сараях отдохнуть, все, конечно, уснули. Вдруг в 2 часа ночи получили приказ сейчас же выступать. Приказание передавали тихо. Один момент - и роты,

готовые к бою, стояли уже на шоссе, но тогда мы, конечно, не знали достоверно, что нас ведут в бой, но мы уже чутьем догадывались, что ведут в бой.

Вот подъехал командир полка и тихо поздоровался, но отвечать не велел, и все солдаты, сосредоточенные и угрюмые, двинулись в путь.

21 ноября. День Введения во хр. св. Марии.

Отошли мы от деревни верст пять, стало брезжить утро. Полк шел обыкновенным порядком, везли 6 орудий, 7 пулеметов, а сзади тянулся обоз.

Приказано было двигаться еще 10 верст и занять деревню Потоки, но вышло иначе. Вдруг недалеко от нас раздались ружейные выстрелы, в утреннем воздухе они щелкали, как бичи.

Полк продолжал подвигаться в походном порядке. Командир сказал, что это, по всей вероятности, стреляют наши разведчики. Но мы, несмотря на успокоение командира, стали заряжать ружья. Тем временем совершенно рассвело, а мы подошли к высокой горе, поросшей кустарником, и эту гору занимал неприятель. Нам видно стало, как на гору двигались наши цепи солдат Свирского полка.

21 и 22 ноября были в бою при дер. Ршедц.

Мы подошли еще ближе к горе, и вдруг с горы заработали пулеметы, и град пуль посыпался на нас. Навстречу уже вели и несли в крови раненых Свирского полка.

Тогда раздалась команда построиться в боевой порядок. Роты сбегали с шоссе и быстро рассыпались в цепи. Артиллерия повернула обратно и стала устанавливать орудия. Обоз сбился в кучу и загордил дорогу. Наш 1-й батальон повели правее этой горы, в обход неприятеля.

Шли мы долго полосами, по колесам в грязи, через ручьи и овраги, наконец, вышли на шоссе, здесь лежали убитые свирцы, в овраге лежали походные кухни.

Тут полетели в нас неприятельские снаряды, мы укрылись в канавах шоссе-сейной дороги. С этого места мы начали делать перебежки повзводно. Снаряды все время летели в нас, только рвались они высоко в воздухе, а некоторые со свистом проносились над нашими головами, не причиняя нам вреда.

Перебежали мы версты полторы и заняли вспаханное поле. Стали под огнем рыть окопы, земля была мерзлая, и работа не подвигалась, у меня был топорик, лопатки не было, я, не окапываясь, лежал в борозде, в грязи.

Когда неприятель увидел нашу цепь, шрапнели вихрем понеслись на нас, теперь уже он взял верный прицел и ранил несколько человек нашей роты. Вперед подвигаться - значило погубить всю роту. Тогда батальонный командир нам приказал спуститься в овраг. Стало темнеть, и мы оврагами отступили к нашим главным силам. Получили ужин и по сараям легли спать.

22 ноября рано утром нас повели в бой. Теперь повели уже левее той горы. Рассыпали в цепь, шли оврагом, а потом взобрались на гору, лишь только заняли вершину горы, в нас посыпались пули. Неприятель наступал на эту гору, хотел ее занять, но мы упредили, нам видно было, как ихние колонны спускались с гор, рассыпались в цепи и шли лавою на нашу гору. Тогда мы открыли огонь по противнику, это были германцы, как узнали мы впоследствии. Третья рота была левее нас, на них особенно обрушился неприятель. Фельдфебель наш четвертый взвод, в котором я был, повел для поддержки в третью роту. «Братцы, - говорил он, - пойдем скорее, а то неприятель уже в 600 шагах, если разобьет третью роту, не удержаться и нам».

И вот бегом за фельдфебелем мы пришли на помощь 3-й роте. Она располагалась по склону горы редкого соснового леса. Когда мы подходили к цепи, весь огонь неприятеля был направлен на это место. Пули смета-

ли лист, впивались в землю, сбивали ветки с деревьев, шелкались о стволы деревьев, пули у них в основном разрывные. Здесь уже лежало много раненых.

А лег между солдатами третьей роты, под ружье положил вещевого мешок, тогда стал целиться в перебегающих противников, их действительно было много, и они были уже близко, но вот мы стали стрелять залпами, и они рассеялись, но много попадало, так и остались лежать. Тогда они перебежали в лощину и стали скапливаться за халупами, которые тут находились. Тогда ротный командир передал по телефону командиру батареей. Вот загрели наши батареи, и снаряды очень удачно попадали в цель. Халупы загорелись, неприятель хлынул, обезумевши, во все стороны, а мы в это время из ружей стреляли в них, но с дальних гор спускались все новые и новые толпы неприятеля. Много тогда мы побили их, стреляли по видимой цели. Некоторые солдаты наши просто озверели. Рядом со мной по правую руку стрелял солдат, он все время кричал: «Вот они, вот они, жарь их!» - и произносил ругательства. Много ранило и наших, но убитых совсем мало. У нас попала хорошая позиция. В нашей 18 человек ранило, убитых нет, в 1-й роте 11 ранило и 4 убитых, а во 2-м и 3-м батальонах, которые были правее нас, те понесли большие потери, в некоторых ротах осталось человек по 30.

Целый день мы отбивали атаки противника, а к вечеру нам приказали отступать, отступая, мы унесли на ружьях своих раненых.

В два дня наш полк потерял 1256 человек. Как выяснилось потом, против нашей дивизии здесь были 2 австро-германских корпуса. Нас отвели верст на пять назад, а на смену нам пришли 44-я дивизия и какие-то стрелковые полки.

Сделалось темно, нас остановили на поле, винтовки составили, мешки сняли и на мокрой земле легли отдыхать. В ушах звучали выстрелы, как будто все еще в бою, некоторые сняли сапоги и переменяли портянки.

Но вот вдруг затрещали выстрелы, защелкали разрывные пули, по звуку мы уже узнали, что это разрывные пули неприятеля. Весь бивак моментально всполошился, хватали винтовки кто какую попало, мешки многие пооставляли здесь и всей кучей устремились бежать, давя друг друга, а выстрелы продолжали щелкать. Так пробежали шагов 800, здесь натолкнулись на обозы, обозы тоже сбились в кучу на шоссе.

Здесь стояли халупы и помещался штаб нашей дивизии. Начальник дивизии выбежал и останавливал бегущих. Потом выбежал какой-то высокий офицер, он правой рукой высоко держал пашку. «Ребята! - крикнул он громким голосом. - Стыдитесь, что вы делаете, так вы все погибните, ребята, за мной, их немного, вперед, братцы, ура!» И тысячи голосов подхватили его «ура» и с винтовками наперевес двинулись на невидимого врага. Выстрелы их в это время замолкли, заиграли рожки, отступили. У меня в отделении пропал солдат в это время, Петр Торопов, он родом Архангельской губернии. Я его встретил уже в плену, в Австрии, он в то время попал в плен.

После этого все роты пришли в порядок, нам дали немного хлеба, и ночью же пошли в Бохнию.

23 ноября.

Мы в Бохнии целый день спали, вечером попили чаю - и опять спать.

24 ноября.

В Бохнии делал смотр командующий армией Радко Дмитриев, благодарил за бой 21-го и 22-го и выразил надежду, что и в будущих боях мы будем биться молодцами.

В этот день много неприятельских аэропланов летало над городом, мы стреляли в них из ружей, но слишком высоко они были, и повредить мы не могли.

25 ноября.

Из Бохнии мы вышли и пошли на правый фланг к Кракову, на помощь в 11-ю дивизию. Не забыть здесь од-

ной сцены: проходили мы мимо одной деревни, на пороге стоял старик-поляк, руки он простирал вперед и ревел во всю голову, призывая как бы на помощь: «Пане, Пане!» Рядом с ним стоял мальчишка и так же ревел, и далеко были слышны их душераздирающие голоса. Об чем они плакали, я не знаю.

Дальше мы подошли к полотну железной дороги и здесь стояли целый день, нам видно было место, где происходил бой, снаряды рвались в воздухе, оставляя красные дымки. Сердце тоскливо щемило, перед боем всегда хуже себя чувствуешь. Сердце мучительно ноет, и тебя томит неизвестность: что-то будет, убьют или ранят? Вспоминаешь семью, детей, благословляешь мысленно их.

А в бою все это забывается. Смерти уже не страшишься, да об ней и не думаешь. Смерть тут - момент один, если пуля ударит в голову, человек подается вперед, падает, делает несколько судорожных движений, и готово, он уже спокоен.

Аэропланы летали над нашими головами, сперва мы стреляли в них, но, увидя безрезультативность, перестали. Когда он поднимался над нами, приказывали ложиться, чтобы он не мог нас приметить и сбросить бомбы.

26 ноября.

Стоим за деревней, в резерве. Бой на позиции усиливается, мы ждем каждую минуту, что нас потребуют в бой.

Сегодня получил я 5 писем: 2 от Сани, 1 из Ярославля, 1 от Николая Гусева и 1 от Дм. Исаковского. Здесь видел Девяткова, Ополосова, они дали мне рису, и в котелке я сварил каши. Ночь провели в сараях. Ночью было отдано приказание, как можно больше разводить костров.

27 ноября.

Стоим здесь же, в резерве. Вечером выдали нам ужин, сухарей и приказали приготовиться в поход на переднюю позицию, сменять Охотцкий полк. Роты пошли, а меня с отделением повели по другой дороге. Спер-

ва я не знал куда, но провожатый от командира полка успокоил, сказал, что будет вам хорошо. Мы пришли сменять сторожевую заставу для охраны штаба полка, вблизи железной дороги и рядом по другую сторону шоссе. Здесь стояли халупы, а около халуп был разложен огонь по разрешению командира. Поставил я часового около шоссе. Дороги в окоп, а подчаска - позади шагах в 15. Потом послал в дозор Дмитриева, он был здесь со Смирновым для связи с соседними заставами. Правую заставу они нашли, но левую они не смогли разыскать: было слишком темно.

И вот мы здесь стояли четыре дня, и нам действительно было хорошо. Картошки было вволю в железнодорожной будке, припас, наверное, сторож, но, испугавшись боев, удрал, оставив картошку.

В халупе жил молодой полячок, лет 20, потом женщина лет 35 с тремя детьми, эта была ему невестка, потом еще была старуха лет 70, старая она, все плакала и качала головой, смотря на нас: «Вам беда, нам беда», - повторяла она.

У женщины мы с Дмитриевым покупали яйца, молоко, она же готовила нам картошку с салом и варила чай, мы за все ей платили, и она осталась довольна. Она жаловалась на наших казаков, что они забирали у нее хлеб и кур, не заплатив ничего.

Была тут девочка, очень похожа на мою Катю, такого же роста, я давал ей сахару и дал несколько копеек, звали ее Роза.

Страдали мы здесь очень табаком, нечего было покурить, днем просили у проезжих обозных окурков, и все по очереди затягивались. Потом нам с Дмитриевым удалось купить у сани-

тара осьмушку махорки за 50 коп.

Шоссе́йная доро́га эта вела на позиции к Кракову, до Кракова 28 верст, там участвовал в бою и наш полк, и наша рота. 4-й батальон ходил в атаку, и здорово его потрепали. Много раненых провезли мимо нас, возили их всю ночь, в телегах на соломе, трое или четверо. Тяжело раненные стонали, а другие помирали, не доехав до госпиталя. На позицию, как только стемнеет, везли походные кухни с ужином, чтобы под прикрытием темноты накормить наших доблестных воинов, днем нельзя, неприятель увидит и разобьет снарядами. Везли патроны, зарядные ящики, и всю ночь все едут и едут. В один из дней наше-го здесь пребывания особенно много шло мимо нас раненых. То в руки, то легко в ноги, но раненный в голову оставил во мне впечатление. Его вел солдат под руку, он был ранен шрапнелью в голову. Кровь текла у него по лицу, правая рука у него тоже была ранена. Он остановился около нас и с жаром что-то начал говорить, показывая рукою на позицию, слова были бессвязны, взгляд помутился. Я ничего не понял, но вот он побежал, он оглядывался на позицию, показывал рукой и опять быстро бежал, солдат, сопровождавший его, едва поспевал.

30 ноября.

Нас сменили, и к вечеру мы перешли в окопы в свою роту. Окопы были в рост человека. Мы поместились с Дмитриевым рядом. Наступила темная осенняя ночь, пошел дождь, в окопах набралась вода. Ночью нам привезли ужин, поужинали, потом приказали идти в деревню за досками. До деревни было версты полторы, в такой темноте, чтобы обратно найти

В ТЕМУ

БОХНИЯ - окружной город в Галиции, расположенный на 38° 2' сев. шир. и 50° вост. долг. (от Ферро), в гористой местности, недалеко от р. Рабы, на расстоянии 38 км от Кракова, с 8191 жителем. Здесь находится, между прочим, прекрасная римско-католическая приходская церковь, построенная в 1253 году. Главной достопримечательностью Бохнии являются соляные копи, открытые, по Длугошу, в 1251 году, во времена св. Кунигунды, но, по другим более достоверным источникам, известные уже в 1198 году... В копи находится высеченная в соляных глыбах часовня св. Креста; кроме того, здесь устроено водолечебное заведение для пользования солеными ваннами... Казимир Бохния устроил здесь копь, известную под названием Меньшей. Сильно пострадал после шведской войны, Б. поднялась лишь в конце прошлого века после перехода Галиции под австрийское владычество.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Санкт-Петербург, 1890-1907

дорогу, бросали на землю пучки соломы: солому видно в темноте. В деревне мы разламывали постройки и с досками шли в окопы. Доски нам нужны были для постройки блиндажей, чтобы артиллерийский огонь не мог поражать сверху. Потом, ночью же, стали рыть в земле выход из окопа в деревню, чтобы в случае отступления могли безопасно уйти.

1 декабря.

Находимся здесь, в окопах. Снаряды неприятеля летят к нам, наша артиллерия тоже стреляет непрерывно, впереди нас идет ружейная стрельба, мы находимся во втором ряду окопов, в резерве.

В пять часов пополудни пришло приказание отступить. Тихо, по одному, стали выходить из окопов и ложиною перебегать в деревню, с удивлением солдаты спрашивали друг у друга, почему же наши отступают, позиция была хорошая, окопы устроили как следует, даже жалко было бросать. При отступлении строго приказали не шуметь, не курить, чтобы огонь не был виден. Артиллерия колеса обвязала соломой, чтобы не было стуку, в окопах оставлено по отделению в роте, чтобы они стреляли, дабы враг не заметил, что войска отступили, и через два часа чтобы они шли вслед за войсками.

Итак, мы тронулись в путь, стало темнеть. Проходили мимо походных

кухонь, хотя ужин был готов, но ужинать нам не дали. Пошли по шоссе к Бохнии, шли скорым шагом, привалов не было, в Бохнию не заходили, а пошли левой. Когда отошли мы верст 8 за Бохнию, вдруг раздался страшный взрыв, это наши саперы взорвали мост, чтобы неприятель не мог нас преследовать.

Ночь была темная, на дороге по колесу грязь, отдыхать не давали, а все шли, шли и шли, и не виделось конца этой дороге, плечи разломало, ноги едва вытаскивались из грязи, страшно хотелось есть, вот уже сутки, как ничего не ели, клонило ко сну, глаза слипались, весь организм был страшно утомлен, холодный дождь лил за ворот, стекал по спине. Господи, думалось мне. Знает ли, нет моя семья, как я в эту ночь мучаюсь, и не я один мучился тут, шли тысячи людей и месили грязь. Ехали обозы тут же с нами, лошади выбивались из сил, их били, но они не могли вытащить, тогда солдаты помогали вытаскивать. Но люди настолько были утомлены, что сами не могли тащить ноги. Многие садились у дороги и тут же засыпали. Много в ту ночь попало в плен, потому что позади шел неприятель и забирал отсталых.

Шли всю ночь без отдыха, а ночи в декабре длинные, это всякий знает. Мы с Дмитриевым шли рядом и обратили внимание на то, что по обе стороны дороги, и справа, и слева, гремели орудийные выстрелы и вспыхивали фейерверки, стало

быть, по обе стороны был неприятель, хотя и в отдалении, теперь нам цель отступления стала понятна: наш фронт к Кракову выпер вперед, а фланги позади, наше положение было опасно, они могли нас отрезать. А для того, чтобы выровнять фронт, нам приходилось отступать.

Стало светать, и сделалось совершенно светло, а мы все шли без отдыха, многие шли совершенно босые, в эту ночь истрепав свои сапожонки.

В окопах бой. Снимок 21 ноября 1914 года

Наш ротный командир штабс-капитан Нечаев ехал верхом на лошади, лошадь поскользнулась и вместе с ним упала в канаву, сломала ротно-му ногу и помяла грудь, его отправили в Петроград, и больше мы его не видели. Ротую стал командовать прапорщик Кильчас. Я все время шел с Дмитриевым, не отставая от роты, напрягая все последние силы. Наконец, уже совсем обессилив, сели мы с ним на канаву и закурили, впереди виднелась деревня, в которой и остановился полк на отдых. Мы, посидев, догнали полк, здесь нам был завтрак и выдали хлеба. Было уже 9 часов утра. С 5 часов вечера и до 9 часов утра мы шли без отдыха, пройди 70 верст. Здесь я виделся с Дмитрием Константиновым.

2 декабря.

Отсюда мы пошли после двухчасового отдыха, прошли еще 15 верст, и расположили нас в деревне на ночлег, деревня называется Пуяви, она недалеко от речки Дунайца. Здесь мне с отделением попала большая халупа, хозяйева находилась в другой комнате. Мы с Дмитриевым и еще двое купили пару гусей, заплатили по 1 р. 25 коп., сварили их и славно поели, согрели чаю, купили молока у хозяйки и попили очень хорошо. Крепко же мы заснули после такого утомительного перехода!

3 декабря. Среда.

Сегодня мы прошли 17 верст, перейдя за реку Дунаец, пришли в одну большую деревню, здесь нам был обед. Я отправил домой письмо с ротным писарем Петровым, он отправился в Петроград по каким-то делам.

К вечеру нас погнали рыть окопы. Вырыли мы окопы по берегу Дунайца и возвратились в деревню ночевать, а в окопах остался один взвод. Спали мы с Дмитриевым в яме, устроенной поляком, чтобы скрываться от пуль и снарядов.

4 декабря, четверг.

Утром мы пошли занимать свои окопы, взяли с собой соломы и только

устроились, как полетели в нас неприятельские шрапнели. Австрийцы были уже на той стороне реки. Тут вышло распоряжение нашу 2-ю роту, 3-ю и 4-ю перевести вправо по берегу, а наши окопы заняли другие роты. И вот под огнем мы перешли вправо на самый берег Дунайца и стали спешно копать окопы. Каждый старался для себя, чтобы защитить себя от вражеских пуль, скоро выкопали мы для каждого углубление в земле так, что на поверхности земли была одна голова. Здесь в окопах мы просидели 12 дней, терпя холод, и голод, и все невзгоды. Мочило нас здесь дождем, засыпало мокрым снегом, в окопы набиралось воды, но делать нечего. Лежишь, свернувшись, как сурок, ноги страшно зябли, до невозможности. Еще благодаря тому, что принесли соломы из деревни, зароешь ноги в солому и сидишь, а вылезти, чтобы побегать, нельзя, на том берегу австрийцы; как выскочил, так и знай, что подстрелят, они зорко смотрели за этим. Ну и мы им спуска не давали, как увидишь, что австриец прокрадывается по кустарнику, так и хлоп в него, и слышно нам, как он ревет, бедняга.

А ночью еще тревожнее: расставишь с вечера часовых, назначишь смены и приказываешь, чтобы хорошенько смотрели на реку, не дай Бог, в темноте переправятся австрияки на наш берег, тогда всех переколют в окопах. Велишь, чтобы часовые давали редкие выстрелы, пусть знает неприятель, что мы не спим, а они, видно, боялись, чтобы мы не перебрались через речку. Тоже всю ночь стреляют.

А то ночью пустят такой огонь, что Боже упаси, начнут садить из всех пулеметов и ружей, точно рой пчел, летят пули, ударяются в окопы, в землю, в кустарник, только хлопают, они у них разрывные. Тогда и мы открываем огонь из всех ружей. Особенно силен огонь был левее нас, в 3-м батальоне, там во все 12 дней днем и ночью кипело, как в котле, непрерывно трещали пулеметы и ружейные залпы. Ухо настолько привыкло к этой музыке, что когда бывали не-

большие перерывы, то чувствовалась какая-то ненормальность.

Там был мост через Дунаец, неприятель под прикрытием сильного артиллерийского огня бросился на мост и хотел натиском прорвать наш фронт. Наши не сделали ни одного выстрела, дали неприятелю занять весь мост, а потом разом из всех пулеметов и ружей хватило по мосту. Передние были сметены градом пуль, другие в страхе бросились в реку, а сзади напирала, тут их много положили наши.

В нашей роте тоже много переранило солдат. С наступлением сумерек привозили всегда на позицию ужин, и вот солдаты повывлазят из окопов и пойдут за ужином, загремят котелками, в это время австрийцы открывают огонь и ранят наших солдат, убитых же за все время в нашей роте было только двое. Очень мы здесь голодали, хлеба давали не каждый день, а выдадут то по кусочку, а 8, 9, 10 декабря, три дня, не получали ни крошки, по не воле ночью пойдешь добывать в ямах картошки, а днем сварить в котелке. Позади наших окопов был овраг, в этом овраге и варили картошку, выскочишь из окопа - и бегом в овраг, а пули кругом тебя свищут, много ранило при таких перебежках. Но, признаться по правде, там желаешь, чтобы тебя ранило, завидуешь тому, кого легко ранило, хоть бы с месяц отдохнуть в госпитале.

Там же, в овраге, у костра вытрясали вшей из белья, а много же их и было, станешь трясти над огнем - только трещат.

Был у меня доброволец в отделении по фамилии Лобанов, Рязанской губернии, под градом пуль ходил в деревню греть чай, варить картошку и яйца, денег

мы с Дмитриевым давали, и он носил нам ежедневно из деревни то яиц, то молока, а нет - вареную курицу, и всегда это ему сходило с рук, и ни разу не был ранен.

А вот Дмитриев, тот страшно боялся и все время не выходил из окопа оправиться, так он подлаживал ночью, чтобы неприятель не увидел. Мы звали его погреться у костра, но он не рискнул ни разу и сидел, зарывшись в солому, в окопе.

Позади и недалеко за нами стояла наша батарея, она через наши головы стреляла по неприятелю, а с того берега неприятель сыпал беглым огнем, и вот поднимется это состязание, даже земля дрожит, они не жалели снарядов. Бывало, сыплют целый день. В деревне находился штаб нашего полка, и вот начнет жарить по деревне, много сторело халуп от снарядов, много также перебило вольных жителей, остальные с ребятишками попрятались в ямы, дрожа за жизнь свою.

Пехота в окопах. Снимок 30 декабря 1914 года

На 10 декабря всю ночь шел дождь. В окопы набралось воды, одежду всю промочило до нитки, сделалось холодно, зубы стучали, руки, и рожа, и сам весь в грязи, все 12 дней ни разу не умывались. Я из окопов послал 2 письма: домой и в Ярославль.

12 декабря, пятница.

У австрийцев сегодня Рождество Христово. Но стрельба все равно идет.

13 декабря, суббота.

Сегодня наши войска пошли в наступление, приказано было и нам, но потом отставили.

14 декабря.

Мы в окопах, ночью шел дождь, в окопах мокро.

15 декабря.

Мы в окопах, грязь и мокрый снег. В 9 часов утра нас пришел сменить Охотский полк. Мы сменились и пошли на отдых.

16 декабря, вторник.

Мы пришли в деревню Клясино, в 5 верстах от Тарнова, здесь находится штаб 293-го полка гусарского полка, а полк - на позиции. Здесь я получил посылку от Вани из Ярославля, теплую рубашку, табак, бумаги и соли.

17 декабря, среда.

Стоим в той же деревне, варим и едим картошку. 17 декабря из деревни Калясино пошли на левый фланг нашего Галицийского фронта. Идем позади фронта, все время гремят оружейные выстрелы. Сколько времени мы ни ходили, а чтобы не слышно выстрелов, не было такого дня. И ночь, и день все идет бой.

По дороге страшная грязь, лошади в обозе и артиллерии измучены до невозможности, кожа да кости, а сколько бедных животных валяется около дорог, выбьется из сил, ее отпрягают и бросают на произвол судьбы, тут она издыхает.

К вечеру пришли в одно разрушенное местечко, ночевали в пустом доме.

Окна выбиты, холод, свернулись на голом полу, так и проспали ночь. Прошли мы в тот день 30 верст.

18 декабря.

Шли целый день. Прошли 35 верст. Ночевали по сараям в деревне, варили картошку.

19 декабря.

Опять идем по той же дороге, но куда ведут, этого ни один солдат не знает, начальство не объясняет, куда пойдем.

По дороге пошли высокие горы, страшно высокие, на одну гору взберешься, а впереди, смотришь, еще выше горы, и нет им конца и краю, и замечательно еще то, что между горами нет равнин, а идут глубокие овраги, чтобы спуститься в такой овраг, рискуешь сломать себе голову. Некоторые вершины гор покрыты лесом, но лесов совсем мало, деревень в горах больших нет. На склоне гор, где только образовала природа площадку, там стоят одна, две, три халупы, и так они разбросаны по склону гор, живут здесь поляки-русины и занимаются земледелием. На таких кручах везде пахота, как только они пахнут, прямо удивительно.

Дороги в горах идут извилинами по дну оврага или же по склону горы, дорога приспособлена руками человека, а если где идет через гору, то поднимается зигзагами, как винтовая лестница.

Когда взберешься на гору, то на горе гораздо холоднее, пронизывающий холодный ветер знобит до костей. Очень трудна была сюда в горы доставка хлеба, провианту и патронов, и действительно войска терпели во всем недостаток. Солдаты, смотря на эти горы и на скверные дороги, говорили, что здесь придется пропасть с голоду. Хлеб и продукты подвозили на позицию на вьюках, на колесах было невозможно по причине страшной грязи, простую фураженку лошади не могли вывозить.

Весь день мы шли, а к вечеру сделалось страшно холодно, нас остановили на дороге. Тут мы стояли часа

три и настолько прозябли, что зуб на зуб не попадал, шинели замерзли, сапоги у меня истрепались, портянки мокрые. Уж я бегал-бегал по дороге, в надежде разогреть ноги, но разогреть не мог, и они даже ныли, пришлось заплакать от боли. Да, пришлось потерпеть всего!

Уже ночью, часов в 12 ночи, мы пришли в одну деревню в горах, если можно назвать деревней дома, разбросанные по склонам гор шагов на 200 и более один от другого. Здесь находился штаб 33-й и дивизии 10-го корпуса. Разместили нас по сараям, зарылись в холодную солому и с усталости заснули.

20 декабря.

Стоим в этой деревне, варим картошку. С Дмитриевым купили курицу за 60 к., сварили и ели без хлеба, потому что его нет.

21 декабря.

2-й и 4-й батальон пошли на позицию. Мы остались здесь. Хлеба получили по одному фунту. Пища - одна вода.

22 декабря.

В той же деревне. К вечеру повели на позицию. Санитары наши вооружились длинными палками для переноски раненых. Когда мы вышли из деревни и пошли на позицию, на встречу на носилках санитары несли тяжело раненых. Кровь сочилась из-под повязок, лица были смертельно бледны, другие тихо стонали, несли также и раненых австрийцев.

По мере того, как мы шли, наступила темная ночь, вдали виднелись зарева пожаров, и выстрелы из орудий отдавались эхом в горах. Пошел дождь, дорога, и без того грязная, сделалась еще грязнее, солдаты едва ноги из грязи вытаскивали. Вот с трудом поднялись мы на высокую гору, потом спустились в лощину. Здесь уже близко была позиция, там слышались в это время редкие ружейные выстрелы. Всегда с наступлением ночной темноты сильная стрельба прекращается, люди в окопах отды-

хают, зарывшись в солому, если есть таковая. Которые назначены наблюдать за действиями противника, то все время стоят и зорко всматриваются в темноту, чтобы не подкрался неприятель. Изредка стреляют.

Остановили нас на берегу речки, в ночной темноте выбрали место для окопов, и вот до утра под холодным дождем мы копали окопы, к рассвету они были окончены. Впереди нас на передней позиции был Севский полк, а мы были в резерве. Утром нас отвели в деревню в сарай, а один взвод оставили в окопах.

23 декабря.

День мы провели здесь в окопах, в 12 часов ночи пошли мы в поход. Приказано было идти в деревню Мошенницы. Было холодно, хлопьями валил мокрый снег. Грязные и мокрые, шагали мы по дороге, зачем ведут, этого мы не знали. Думали мы, что в Рождество Христово дадут нам отдых, хоть бы обогреться и отдохнуть в тепле. И думалось мне в эти минуты о родном доме. Наверное, семья моя готовится к великому празднику. А здесь впереди и позади меня в ночной темноте виднелись серые фигуры солдат, согнувшись от холода, они шлепали по грязи и шли туда в мутную даль, где раздавались орудийные выстрелы.

Начинало светать. Мы пришли в деревню Мошенницы, переход - 10 верст.

24 декабря, среда.

Деревня Мошенницы большая, расположилась по обоим берега оврага, на левом берегу посреди деревни стоит костел старинный. От Тарнова верст 75 на левый фланг нашего фронта.

Пришли мы в деревню, здесь отвели нам сарай. Там была снопами ржаная солома. Было холодно, дрожь хватывала все тело. Снег уже не таял на земле, он лежал белой пеленой на земле и на крышах халуп. Сердце ныло какою-то тупой болью, слышались выстрелы из орудий. Снаряды

летели и рвались не далеко от деревни, где был наш обоз, в воздухе слышался свист и затем короткий взрыв. В воздухе оставалась красная дымка, указывающая, где разорвался снаряд.

Вот нам изготовили кашевары обед, он был жидкий, как вода, а хлеба не было со вчерашнего дня. После обеда солдаты пошли в сарай, зарылись в солому, стараясь согреться. Так же поступил и я, но согреться я не мог. Страшно знобило, все тело сжималось от холода, боясь, чтобы не заболеть, я пошел в халупу, которая была рядом.

Когда я вошел туда, в ней полно было солдат. Тут были обозные Пензенского полка, больные с позиций, кашевары, и все толпились у огня, который был разложен, на шестке тут в котелках варилась картошка. Печка была черная, дым шел в потолок и выходил в раскрытую дверь, такие печи были у нас в старину, у двери было отгорожено стойло и стояла туча коров. Пахло навозом и махорочным дымом. Около печи была дверь в другую комнату - чистую половину с белой печкой. Там помещалась семья хозяина и три больных солдата-пензенца. Старик хозяин, поляк, лежал при смерти, ему было более 80 лет. Я протиснулся сквозь толпу к печке и лег на солому рядом со стойлом. Тут спали еще два солдата, воздух здесь был гораздо теплее, чем на воле, и я скоро заснул.

Спал я довольно долго. Когда проснулся, то зимний день уже начинал смеркаться. Солдат в комнате было мало. Три солдата Пензенского полка сидели на лавке, один из них ел хлеб. Мне тоже страшно хотелось есть, но у меня хлеба не было. Солдат, который ел хлеб, спросил, какого я полка, я ответил, тогда он сказал: «Наверно, ваш полк пригнали, чтобы сменить нас сегодня ночью с позиции. Мы уже целый месяц без смены», - добавил он. Тут в халупу вошло несколько солдат нашего полка. Солдат-пензенец обратился с вопросом, нет ли у кого продажного табаку. Табак в то время имел не каждый, а потому он ценился. У меня табак был, который мне

прислал Ваня. «Слышь, земляк, - сказал я, - у меня табак есть, только я на деньги не продам, а давай менять на хлеб». «Идет», - сказал он. И вот на осмущу табаку я выменял фунта полтора хлеба и утолил голод, с аппетитом скушав этот кусок. Затем я вышел на двор, там был разложен костер. Солдаты грели чай, а кто и пек картошку. Тут же у огня сидел наш фельдфебель Кулыгин и два взводных, Курочкин и Польской, за то время, пока я спал, они ходили осматривать позиции, чтобы идти сегодня ночью сменить Красноставский полк.

Говорил фельдфебель: «Ну, ребята, уж вели-вели нас да наконец и привели. Здесь, наверно, придется пропасть». Днем здесь из окопа не показывай и головы по одному человеку - австрияк жарит снарядами. Мы хотели было осмотреть окопы, но офицер не пустил, сказав: «Днем осматривать невозможно, лишь только покажись, а он и бац снарядом».

Только издали, из леса посмотрели мы на позицию. Здесь же, в лесу, мы видали такую сцену: отделение солдат Пензенского полка драли розгами за то, что они убежали из окопа, когда в нем разорвался неприятельский снаряд. Их стегали на снегу по очереди: рядовым по 15, а взводному и отделенному - по 30 розог. При экзекуции присутствовал полковник Евсюков, он же и командир бригады, в распоряжение коего поступал и наш полк.

«Смотри, ребята, берегись», - сказал фельдфебель, - чтобы и с вами не случилось такой истории».

На дворе совсем смеркалось. Костер потушили, чтобы неприятель по огню не пустил снаряд. «Ну, а теперь, молодцы, - сказал фельдфебель, - приготовьтесь, через полчаса идем на позицию».

Все мы начали надевать снаряжение, разбирать ружья. Я захватил пук соломы.

Через полчаса мы построились и тронулись в путь, до позиции было версты 4. Каждый снимал шапку и набожно крестился. Перешли овраг; нас остановили у костела. Здесь долж-

ны были собраться все роты, вот уже все в сборе.

Тогда подъехал к нам полковник Евсюков. Он громко поздоровался, затем поздравил нас с праздником Рождества Христова и стал говорить: «Смотри, ребята, вы идете на переднюю позицию, будьте бдительны, мужественны, не бойтесь смерти, если кому не суждено, тот не получит. Особенно сегодняшнюю ночь, будьте внимательны, весьма возможно, что неприятель в эту ночь пожалует к нам в гости, потому что в ихнее Рождество мы делали им визит» (12 декабря, в день ихнего праздника пензенцы ходили в атаку, выбили их из окопов и забрали подарки, которые потом делили в халупах).

После этого он еще говорил много наставлений, а в это время в первой роте солдат закурил папироску, и вот он бросился на этого солдата с криком: «А-а, курить, курить!». И слышно было, как он бил его по лицу, и слышалось его грозное рычание: «А-а, курить, курить!».

После этого нас повели на позицию. Солдаты, идя дорогой, говорили между собой: «А ну уж и злой этот командир, у него держи ухо остро».

Вот мы вышли за деревню. Кругом нас расстилалась снежная пелена. Невдалеке слышалось щелканье одиночных выстрелов. Там вдалеке и влево затрещал пулемет. Я и не заметил, как мы подошли к окопам, чернел ров окопа, а в нем сидели, согнувшись, человеческие фигуры, занесенные снегом. Это были наши резервы, мы пошли дальше, нам приказали соблюдать тишину и не курить, вот гора и на ней лесок. Пройдя лес, вышли на широкую поляну.

Невдалеке от нас стояли два сарая. За этими сараями поставили роту, а командир пошел осматривать позиции, мне страшно хотелось курить, тут я увидел, что многие курят из рукава, сделал и я и тоже покурил. Ноющей боли на сердце не было, а было какое-то равнодушие и решимость на все.

Ротный командир возвратился и повел нас к окопам. Здесь был Крас-

ноставский полк, они радостно вылезали из окопов и говорили, что днем не показывай головы из окопа. Они ушли, а мы заняли окопы. В окопах была вода, солдаты котелками стали ее вычерпывать. Благодаря Богу меня перевели с отделением на другое место, для охраны пулемета, там была горка и в окопе было сухо, сверху окоп был закрыт соломой. Когда мы сменились, было 12 часов ночи. Остаток ночи мы провели в окопе. Так прожил я святую Рождественскую ночь.

25 декабря (четверг). Рождество Христово.

Вот наступило утро. Холодное и ясное взошло зимнее солнце. Холодными лучами осветило дальние вершины гор. Поднялось из-за горизонта и облило светом и белоснежную поляну, и окопы, в которых мы сидели, дрожа от холода.

Встал я в окопе и стал разминать заочевенные ноги. Потом с любопытством стал осматривать местность, в полтора верстах перед нами поднимались высокие горы, а у подошв гор виднелись окопы неприятеля.

Посреди позиций ближе к ихним окопам виднелась железная дорога, и халупы, разбросанные по 2 и по 3, стояли в промежутке между позициями. Расстояние до окопов неприятеля было сажень 500, так что ружейный огонь был недействителен, здесь стреляла только артиллерия

Уже с раннего утра неприятель стал пускать снаряды, батарея у него стояла где-то за горою. В этот день мы ничего не получили и сидели голодные. С наступлением темноты привезли ужин, жидкий и без соли, хлеба же не привезли. Так провели мы первый день великого праздника.

Пятница, 26 декабря.

Утром ждали хлеба, но хлеба не привезли. Днем мы принялись за устройство окопа. Сверху наш окоп был закрыт досками, а потом соломой, один конец мы заставили соломой и засыпали землей, а со входного конца повесили палатку, таким образом,

у нас в окопе стало гораздо теплее. Потом мы устроили в стенке печку и по ночам стали топить, днем нельзя было, потому что дым было видно, днем, а ночью дыму не видно, и по ночам мы здесь грели чай и варили картошку. Дым выходил в крышу, а в окопе было тепло.

Вечером мы пошли в караул на ночь, впереди позиции, шагах в 1000, там стояла халупа. У этой халупы я поставил часового, а позади подчаска, самый караул ввел в халупу, окна завесили и развели на шестке огонь. Потом достали картошки и стали варить, хата была курная. Хозяин хаты, полячок лет тридцати, находился здесь, он все жалел дров, но мы, конечно, на него не смотрели.

Ночь была тогда темная. В 20 шагах ничего было не видно. Подчаском стоял Ходаренко из Витебской губернии, он вдруг вбегает в хату и говорит мне запыхавшись: «Отделенный, сейчас ко мне подходил австрияк с ружьем, я крикнул на него, он и скрылся. Я хотел в него выстрелить, но он скоро скрылся».

Я пошел с ним на волю, никого не было. Я спросил часового, видел ли он что-нибудь. Часовой сказал, что здесь был полячок, хозяин, он зарывал лопаткой яму с картошкой, и вот Ходаренко принял его за австрийского солдата и чуть не застрелил.

Суббота, 27 декабря.

Утром возвратились из караула в окопы. Ночь прошла благополучно. Сегодня хлеба тоже не получали. Вечером, когда стемнело, получили фунта по полтора хлеба и немного масла. Ночью в окопе наварили картошки с маслом.

Так проводили мы Рождество Христово в окопе. Под одним блиндажом помещалось нас четверо: я, потом Ходаренко, доброволец Федосов и еще ефрейтор Федюков. Было тесно, но по ночам тепло. Только днем было холодно и выйти из окопа рискованно: как неприятель заметит, что солдаты ходят в какую-нибудь халупу, так и начнет стрелять по этой халупе снарядами.

Как только наступает ночь, Ходаренко отправляется за картошкой, он был специалист по этому делу, никому не найти, а он принесет. Федюков за дровами, и вот ночью мы греем чай и варим картошку. Ну, уж мы и закоптели, словно трубочисты, а вшей тогда было у нас целый легион, тело страшно зудилось, грудь и ноги издерешь в кровь.

Воскресенье, 28 декабря, в окопах.

Снарядами неприятель зажег халупу около первой роты. Убит один наш солдат, ранен подпрапорщик Блинов, они в это время находились в халупе.

Позади окопов наших в халупе помещалась телефонная станция, снарядами неприятель разрушил халупу и зажег. Двое убиты, старик поляк и девушка 17 лет, его дочь.

29, понедельник.

Сегодня оттепель, снег на окопе растаял, вода течет в окоп, к нам на голову. Выйти не можно.

Вторник, 30 декабря, в окопах.

На полях лежит, снег погода ясная и холодная. От нашего окопа недалеко стоят две халупы, туда солдаты наши днем бегают греть чай, но, конечно, скрытно от начальства. Я тоже послал добровольца Федосова согреть в халупе чаю и принести в окоп. Долго я ждал его, но его не было, тогда я решил сам пойти в халупу и попить там чаю. Я захватил с собою кружку и пошел. Придя в халупу, я увидел, что котелок уже вскипел. Заварили мы чай и здесь за столом решили попить чаю. Халупа разделалась на две половины, в следующей находилась семья хозяина, состоящая: поляк хозяин, лет 35, его жена и две дочери, подростки.

В то время как мы пили чай, в комнату вошел с двумя котелками воды ефрейтор нашей роты Александр Парменов. Он мне коротко был знаком, он из Вологодского уезда, с фабрики Сокол.

Парменов, поздоровавшись с нами, поставил котелки на плиту. В это вре-

мя в воздухе раздался свист снаряда, хотя мы уже привыкли к подобным явлениям, но все-таки насторожились, по звуку было слышно, что разорвется поблизости нас. Вот я взглянул в окно, и шагах в 30 от нашей халупы увидел столб земли, поднявшийся от взрыва снаряда. В следующий момент опять раздался свист в воздухе, и над халупой провизжал снаряд. Федосов выбежал из хаты и, возвратясь, сказал, что снаряд упал позади халупы,

Русские солдаты в окопах пишут письма домой. Открытка с фотографии штабс-капитана С.А.Корсакова. 1 марта 1915 года

шагах в 50, в яму с картошкой. Тогда я понял, что неприятель делал пристрелку в нашу халупу. «Ребята, пойдем скорее, а то недолго до беды», - я не допил чаю и пошел из халупы. Федосов со мною. «Парменов, пойдем с нами», - сказал я на ходу, он ответил: «Да, надо идти». Он старый солдат отлично знал, какая ему грозит опасность, но ему хотелось догреть чай. Выйдя из хаты, мы бегом пустились по снежной поляне к своим окопам. Вот со свистом прорезал воздух снаряд, и разорвался над халупой. «Погиб Парменов», - подумалось мне. Запыхавшись, мы прибежали в окопы. Потом уже к вечеру пошел мольной, нашей же роты, греть чай в ту же халупу и наткнулся на труп Парменова. Он лежал в снях, раскинув руки, у него были продырявлены все ноги, и бедренная часть, в него угодил весь заряд снаряда, плита тоже была вся разворочена. Он сгоряча еще от плиты убежал в сени и тут свалился, а в следующей комнате семья поляка осталась невредима. На следующий день Парменова отнесли в деревню Мошеницы, и полковой батюшка похоронил на кладбище у польского костела. Вечная память тебе, дорогой товарищ, тело твое будет покоиться в горах Галиции, ты счастлив тем, что удостоился христи-

анского погребения, а тысячи братьев валяются, как собаки, по бранным полям.

Среда, 31 декабря.

Лежим в окопах. На воле Божией день. Весело солнце освещает белеющие снежные поляны и вершины далеких гор. В окопах холодно, ноги страшно зябнут особенно, у меня маленькие сапоги, я зарываю ноги в солону и все время двигаю ими, чтобы немного согреть. Старый солдат Ходаренко лежит рядом со мной, я спрашиваю его: «Ну что, Ходаренко, скоро ли будет мир, скоро ли пойдем к своим женкам и к своим детям, поди-ка они ждут нас?». «Нет, отделенный, не начетно, что мы возвратимся домой, пропадешь здесь. Если не с холоду, то от пули. Вот, слышишь, как режут снаряды. Прилетит вот такой снаряд к нам в окоп, ну и поминай как звали, разнесет, так что и косточки разнесет, а вот гляди того, что пойдут в наступление. Ну, тогда уж пиши, что пропал». А по другую, лежит доброволец Федосов, он слушает Ходаренко и наконец спрашивает: «А сколько, Ходаренко, у тебя детей?» «Детей у меня пять человек, - говорит Ходаренко, - поди-ка ждут меня, а и плохо им без меня, каждый их обидит, и босые, пожалуй, находят, всего примут», - и у старого

солдата заблестела на глазах слеза. И он украдкой старается смахнуть ее. А Федосов говорит: «Ну, брось, Ходар. Ты уж никак заплакал, давайте лучше закурим, чтобы дома не журились». И вот все трое закуривают, и опять ведем нескончаемые разговоры, а снаряды гудят в воздухе и проносятся над окопами. Ходаренко по звуку угадывает перелет, влево или вправо. Начинает темнеть. Мы темноте очень рады. Когда стемнеет, мы в окопе затопляем печку, и у нас становится тепло. Начинаем варить картошку и греть чай, ходим по очереди в дозор и стоим на посту. К нам в окоп приходят погреться солдаты нашей роты, потому что не у всех в окопах печки.

1 января 1915 года. Новый год.

Сегодня утро морозное и ясное, с первыми лучами солнца полетели снаряды. По окопам прошел наш фельдфебель. И поздравил нас с Новым годом, с новым счастьем. Новый год встретил нас холодно и сурово, что ожидает нас в недалеком будущем, придется ли вернуться домой и встретить дорогое семейство? Каждый мысленно задавал себе вопрос. Хотя смерть носилась каждую минуту над головами, но пока жив, думаешь, о детях и жене, хочется пожить.

2 января, пятница.

Мы все еще в окопах, между позициями находится деревня Лужно.

Когда еще было темно, нас отвели ко дню в караул, к самой железной дороге, недалеко от позиции противника. Нас привели в халупу к поляку. Часовой наблюдал в окно за действиями противника. Нам видно в окно, как австрийские солдаты ходят по полотну железной дороги с большими ранцами за плечами. Нам из халупы выходить не приказано. Вот пришел в халупу наш артиллерист, он разведывал, где поставлена австрийская артиллерия. Вот он вышел на волю. Я через короткое время тоже вышел и с ужасом увидел, что он влез на нашу халупу и смотрит из-за трубы. Я приказал ему скорее слезть, потому что австрийцы могли его уви-

деть, и весь караул пропал. К вечеру нас сменили с позиции, и мы пришли на ночлег в деревню Мошеницы. Здесь я от Сани получил письмо, в котором она сообщила, что померли Алексей Петрович и Александр Андреевич Бирюлевский.

3 января, суббота.

Мы стоим в резерве, я послал 2 письма, одно домой и 1 в Ярославль.

4, 5 и 6 января стоим здесь в деревне, по ночам ходим в окоп.

7 января.

Перешли в другую деревню, здесь получали подарки из России: белье, табак, чай, сахар, папиросы.

8, 9 и 10 января строим окопы для резервов. Ночевать ходим в деревню, здесь хозяева-поляки очень добрые - греют нам чай, и к чаю хозяйка дает молока и варит нам картошки.

12 января.

Пошли в поход, прошли 30 верст, пришли на ночлег в какое-то местечко.

13 января, переход 23 версты.

14 в поход прошли 15 верст. Пришли в деревню Липины, около Пильзно местечко, здесь на дороге встречал нас новый начальник дивизии, генерал-лейтенант Шипов, здоровался с нами и благодарил за службу.

В деревне здесь нас развели по квартирам, и стояли мы здесь 7 дней на отдыхе, только размещены очень тесно. В халупу, нам которую отвели, поселили нас 30 человек, а халупа маленькая, аршин 7 кругом, да тут же помещалась и семья хозяина: 5 человек детей и сам с женой, сидеть на лавке приходилось по очереди, а остальные должны были стоять на ногах. Даже жалко было хозяина, мы совсем их стеснили. А ночевать, то есть спать, все не помещались, половина уходила в сарай, несмотря на 15 градусов холода.

Кормили нас здесь очень хорошо, хлеба давали вволю. Пища была хо-

рошая, выдавали масло, сахар, табак, консервы. На войне оправдывается пословица: когда густо, а когда и пусто, но по большей части приходилось пусто.

Затем от вологодского купечества получили подарки: по 1/2 ф. конфет в коробке, по 1 фунту баранков и еще по 1 ф. сахарных кренделей и белых сухарей, одним словом, здесь жилось нам очень хорошо. Здесь же получили жалованье, и мы с Дмитриевым покупали в местечке булок.

22 января, четверг.

Мы вышли из деревни Липины и пошли в поход. Шли мы походом четыре дня - 22, 23, 24 и 25 января. Прошли 160 верст. Идти было очень трудно, на дороге было по колено снегу. Снег этот был размят артиллерией и обозами. Ноги вязли, идти было невозможно, многие отставали от полка, но я не разу не отстал, боясь потерять полк. Наконец, на четвертый день было трудно настолько, что совсем выбились из сил, дорога пошла через высокие горы, лошади не в силах были вывозить повозки, тогда измученных солдат заставляли помогать вывозить. Я как сейчас помню, подошли мы к высокой снежной горе, вершина ее поднималась высоко-высоко, а уже начинало темнеть, все ждали, что остановят на ночлег, не тут-то было, приказали карабкаться на эту гору. С большим трудом влезли мы на гору и пошли дальше, шли ночью еще верст 15.

Холод знобил тело, ноги переставляли машинально, точно чужие, продвигались довольно тихо. А когда делали привал и люди садились на снег, то моментально засыпали, их приходилось будить. Дмитриев шел рядом со мной и едва переставлял ноги, он предложил мне: «Давай, Гусев, зайдем в какую-нибудь халупу, а то совсем не могу. Переночуем, а завтра догоним полк». Я согласился, и вот, увидев вправо от дороги халупу, мы свернули и пошли на огонек, тут оказалась водяная мельница, и хозяин-мельник впустил нас в хату, здесь было уже человек 10 солдат нашего полка. Одни грели на плите чай, другие уже спали, мы согрели с Дмитриевым чаю, попили, у нас были консервы, я раскупорил, хотели поесть, но некоторые не могли есть, настолько были утомлены, и заснули как убитые.

Утром пробудились, было уже светло. Здесь же, оказывается, ночевал Дмитрий Девятков, я поздоровался с ним, но разговаривать было некогда, нужно было догонять полк. Полк уже вышел с ночлега и шел обратно, таким образом, он топал нам навстречу. Вместе с полком мы пошли дальше и к вечеру пришли в деревню. Она находится в горах и называется Новая Весь, здесь развели нас по халупам. Здесь стояли мы 4 дня, ходили ежедневно за булками в местечко Бирчу, которое от деревни 1 верста. Сюда к нам прибыло подкрепление, то есть пополнение, состоящее из ратников и молодых солдат срока службы 1915 года, по горам мы здесь ходили на занятия.

Здесь мы пробывали в Новой Веси до 30 января.

30-го пошли в поход.

31 января тоже в походе, в два дня прошли 40 верст. К вечеру пришли на станцию Любомир. Около станции большая деревня того же названия, здесь нас развели по квартирам. Жители здесь русины, они

Пост наблюдения у железной дороги.
Снимок 1 февраля 1915 года

исповедывают нашу православную религию, говорят они так же, как говорят малороссы: они одного с ними племени, у них православные церкви и священники.

Хозяева нашей халупы, русины, оказались очень добрые, но слишком бедные. Они гостеприимно приняли нас и старались всячески услужить. Старик-хозяин рассказал нам, что до нас были здесь австрийские солдаты и что мадьяры у них очень злые - все съестное забрали, священника и церковного старосту убили. Они тоже иконы спрятали, боясь, что будут ругаться нехристи. Они очень были рады, что русские войска прогнали их в горы верст на 30.

В горах слышались глухие выстрелы из орудий. К русинам австрийское правительство относится с презрением и притеснением прав, потому русины живут очень бедно, нрава же тихого, в них видна приниженность и рабская покорность.

1 февраля в деревне Любомир встречаем Масленицу с сухарями, хлеба 3-й день как не давали, хорошо, что у нас Дмитриевым были деньжонки, на станции мы купили булок и колбасы.

2 февраля вечером пошли на станцию Хиров за 15 верст. Здесь ночью нас посадили в вагоны и повезли по железной дороге в северо-восточном направлении.

4 февраля вечером нас привезли на станцию Долина. Здесь нас высадили, выдали нам здесь консервов и хлеба и повели в местечко Долину на ночлег в местечке. 3 взвода нашей роты разместили по квартирам, нам же, четвертому взводу, квартиры не было. Ротный командир ушел, сказав нам: ищите сами квартиру. Мы стояли на дороге на снегу и дрогли от холода. Влево от дороги находился сад, а в саду большой барский дом. «Пойдем, ребята, в этот дом», - решили мы, и вот я, подпрапорщик Полубинский и еще несколько человек перелезли садовую ограду и пошли к дому, на нас залаяли собаки.

Стало быть, дом был обитаем, но владельцы спали, огня не было ни в одном из окон. Подойдя к дому, мы начали стучать в дверь, но ответа нам не было, тогда мы сильно начали стучать, даже трещала дверь. Наконец за дверью послышались шаги, и женский голос на польском языке спрашивал, что нам нужно, мы сказали, чтобы нам отворили дверь. Шаги удалились, через короткое время отворилась дверь, и на пороге в ночном халате появился сам хозяин. Он был старик высокого роста с седыми волосами, брови его были нахмурены, и он, коверкая польские слова, сердито говорил нам, зачем мы ломимся к нему в дом и тревожим его семейство. Мы ему объяснили, что нас заставила необходимость, ведь не на снегу же нам ночевать, а другие дома все заняты войсками.

Тогда он впустил нас на кухню, здесь поместилась половина взвода, другая половина поместилась в роскошной столовой.

5 февраля день провели мы у пана в доме. Я послал 2 письма - в Ярославль и домой.

6 февраля днем отправились в поход. К вечеру пришли в одну русинскую деревню. 4-й батальон пошел в сторожевое охранение. Казаки донесли, что неприятель находится недалеко, нам не приказали раздеваться, переночевать здесь, рано утром мы выступили в поход.

7 февраля впереди отправилась команда разведчиков, а за ними полк. Нам приказано было занять деревню Красное и укрепиться в ней. До Красного было верст 9, по мере того, как мы приближались к Красному, пришло донесение, что Красное занято австрийцами. Наша команда разведчиков уже вступила с ними в перестрелку, слышалась ружейная трескотня, нас остановили в овраге, снаряды летели сюда и рвались. Отсюда до Красного было уже версты 3. Ясно слышна ружейная стрельба и как

трещали пулеметы. Неприятель крепко засел на своей позиции.

Команду разведчиков разбили, вот уже санитары несут наших раненых солдатиков. Начальника команды зауряд-прапорщика Соболевского смертельно ранило, и глядя на эти картины, сердце болело и ныло, чувствовалась предстоящая опасность и невозможность избежать ее. Вот по телефону получили приказ от начальника дивизии, во что бы то ни стало выбить австрийцев из Красного.

Раздалась команда: построиться ротам. Весь полк живо построился. Тогда второй батальон повел левее Красного. 4-й пошел правее, наш первый должен идти прямо на деревню. Не нужно думать, что неприятель только и был в черте деревни. Нет, его позиция тянулась и по обе стороны деревни широким фронтом, она у самого Красного занимала высокую гору, гора эта командовала над всей окружающей местностью. И откуда не вздумай наступать, им все было видно, и был хороший обстрел.

Роты рассыпались в цепь, правее нас пошла 1-я рота, а левее 4-я, впереди одна цепь, а шагах в 50 позади - вторая. В таком порядке мы начали наступление на Красное в 4 часа дня. Сперва мы шли мелким кустарником, приходилось переходить овраги, на земле до половины холки было снегу, и это затрудняло движение, но шли быстро, не отставая друг от друга, все почему-то спешили, отсталых никого не было.

Но вот лесок кончился, и вышли мы на открытую поляну, тут не было ни одного кустика, ни одной горки, за что можно было бы укрыться. Впереди перед нами в полутора верстах виднелась деревня Красное, окутанная пороховым дымом. И вот когда наши вышли на поляну, неприятелю представилась прекрасная цель, и целый ураган снарядов полетел в нас. Стреляли они гранатами и шрапнелями, гранаты взрывали столбы земли сверху, а попавшие тут люди разрывались на части и сливались с землей. Но цепи подвигались шаг за шагом, несмотря на потери. Когда очень огонь

усиливался, приказывали ложиться на землю. Шрапнели над нами рвались в воздухе, а осколки и пули проносились так близко, что каждый миг думаешь, что пробороздит тебе спину, а то разорвется близко впереди и обдаст землю прямо в лицо. Но раздавалась команда встать, и шли дальше, навстречу грозящей смерти. Конечно, многие ее и нашли здесь.

Я шел на левом фланге нашей роты, рядом с четвертой. Там ротный командир прапорщик Канн, еще молодой человек, без усов. Шел впереди своей роты и подбадривал солдат словами: «Так, братцы, так, не отставай, за мной, голубчики, дружнее!». Вот уже недалеко и деревня, шагов осталось тысяча, артиллерийский огонь прекратился, а открылся ружейный и из пулеметов, из деревни и с горы, которая была левее деревни, там окопы ихние загибались в обхват нашего левого фланга. Так что мы попали под перекрестный огонь. Подойдя к деревне шагов на 50 с криком «ура» бросились в атаку, австрийцы, большая часть, покинули деревню, а те, что остались, попали к нам в плен.

Подпрапорщик Полубинский с одним солдатом зашли в одну халупу, а там были трое австрийцев с ружьями. Один из них в Полубинского выстрелил в упор и ранил в левую руку. Солдат, который был с Полубинским, с разбега всадил штык в живот австрийцу, и тот повалился на стол, а двое бросили ружья и взяты в плен. Взводный 1-го взвода Павлов отворил сарай, там оказались двое австрийцев, один выстрелил, и пуля скользнула по верхней части головы и сорвала кожу. Этого тоже закололи, в плен их попало здесь много. Но вот уже наступила ночь, сделалось темно, вправо от нас находился Березинский полк, там неприятель зажег мост и зарево пожара освещало окрестности, а артиллерийская стрельба сильна настолько, что земля дрожала, а в воздухе слышался непрерывный свист снарядов.

Деревня Красное тянется в длину не менее как на версту, вдоль всей

Русские солдаты ведут бой в деревне. Снимок 2 мая 1915 года

деревни глубокий овраг, а дальше к позиции неприятеля овраг кончается. Кончается здесь и деревня. Там, где кончается овраг, начинается гора, та высокая гора, которую заняли австрийцы, и с этой горы им вся деревня видна как на ладони и вся ими обстреливается. Ночью мы недалеко от этой горы вырыли окопы, а пули сыпались дождем, с завываниями проносились мимо ушей. Когда стало под утро светлеть, мы увидели, что находимся шагах в 150 от противника. Нам почему-то приказали выйти на рассвете из окопов и занять берег оврага, и вот когда мы вышли из окопов и стали рассыпаться в цепь, открылся страшный огонь по нам из пулеметов и ружей с горы. Тут массу ранило и убило. Здесь убит ефрейтор Ленников Вологодской губернии с ф. Сокол, пуля попала в грудь, он, закрыв рану рукой, произнес слова: «Бедные мои дети» - и упал. Но вот мы уже заняли берег оврага и открыли огонь по неприятелю, а они в это время делали перебежку: справа из окопов перебежали по-за деревню на высокую гору, их тут много побил наши. Вот видно очень ясно, как бегут они, согнувшись, друг за другом с большими ранцами за плечами, но меткий выстрел - и кувырок летит на землю и не может встать, слясь подняться, а другой лежит без движения. Вот двое австрийцев несут на плечах котел, но один схватился за ногу, котел брошен, а другой уже лежит на земле без

движения. Но вот получен новый приказ: нашей роте перебежать овраг и занять ту сторону деревни, которую до сих пор занимали австрийцы. Когда пробежали овраг, тут многих тоже ранило, здесь ранен фельдф. Кулыгин, наш взводный Польской. Овраг был крутой, да к тому же по колено снегу, я направился по тропинке, протоптанной, вероятно, жителями деревни, и быстро перебежал овраг, а пули свистели с высокой горы, овраг обстреливался. Когда перебежали, то заняли изгородь и открыли огонь по перебежавшему противнику. Здесь я принял командование четвертым взводом. В 50 шагах находились от нас окопы австрийцев, но они их оставили и перебежали на гору, осталось тут 12 человек, которым мы знаками показывали, чтобы они бежали к нам, и они, бросив ружья, прибежали к нам и спрашивали: «Пане! Куда нам утекать?» Мы им показали на наш штаб, и они, согнувшись, улепетывали во всю ночь. Теперь батальонный командир 4-му и 3-му взводу приказал податься влево, ближе к горе, чтобы иметь связь с четвертой и первой ротой. Перебежав влево, мы заняли плетни и постройки и приблизились настолько близко к неприятелю, что слышен был их разговор. Окопы рыть тут было невозможно, на виду стоять значило быть убитым. Я встал за угол новой еще нежитой халупы, положил на угол винтовку и стрелял, как только появится австрияк, а их тут было много, за каждой постройкой. Прямо передо мною, шагах не более чем в 100, стоял большой сарай, у них в сарае был поставлен пулемет, и из отверстия в стене они стреляли по нам, их много же и поранили, не успевали убирать раненых. Да и убирать под таким огнем было невозможно. Впереди халупы, за которой я стоял, лежал наш солдат, раненный в ногу, и умолял, чтобы его подобрали. Он был на виду у неприятеля, и взять его не было никакой возмож-

ности. Я вскричал, чтобы он как-нибудь ползком направлялся ко мне. За стогом сена, правее меня, шагах в десяти стоял ратник - хохол Харьковской губернии, он услышал просьбу раненого и хотел помочь, он бегом пустился к моей халупе, но, не добежав 3-х шагов, упал, раненный в плечо, из плеча пуля пробила верхнюю часть груди. Я за рукав втащил его за халупу, обрезал ремень и лямки. Руки у него судорожно то сжимались, то разжимались, а лицо сразу приняло землистый оттенок, он хриплым голосом попросил: «Дай, дядько, пить». Из баклаги я дал ему проглотить несколько воды, и он замолк навеки.

Тот, раненный в ногу, подполз близко к халупе и просил помощи. Я связал две палаточных веревки и еще палатку и один конец, бросил ему, он ухватился обеими руками, а мы с Видякиным потащили наживку и здесь перевязали рану. Ранен он был в правую ногу выше колена. Это было уже время часа 2 дня 8 февраля. Тут по этому концу деревни неприятель открыл беглый огонь из батарей. Мортирные снаряды ударялись в халупы, и бревна, как легкие пушинки, летели на страшную высоту вверх. Деревня во многих местах загорелась. Треск от пожара с треском от разрывающихся снарядов слились в один гул. По улице бегали обезумевшие женщины и старики, дети цеплялись за матерей, ревя во все горло. Я думаю, и их немало погибло, а страшные и разрушительные снаряды все летели и несли смерть.

В халупе, в которую попал снаряд, было человек 20 наших раненых, она загорелась вместе с ними. Снарядами они буквально срыли и уничтожили всю деревню. Австрияки ободрились и нахальнее стали наседать на нас. Я с ужасом увидел, что не менее взвода вышли по эту сторону сарая и делают окоп. «Ребята, - крикнул я, - стреляй в них, а то они нас убьют!» Я положил на угол ружье, прицелился одному в живот и спустил курок, вот он как-то грузно осел на землю и остался неподвижен, потом еще двух

ранило в ноги, они засуетились и скрылись за сарай. Я не знаю, что бы было дальше, но нам приказали отступить.

Когда я бежал из-за халупы по берегу оврага, с горы им было видно: пули летали как пчелы, пробегая между горевших халуп, я видел страшные сцены: раненные, оставленные на пожарище, простирали руки, прося помощи, но каждый, обезумев, бежал, спасая себя. Потом я сбежал в овраг, по оврагу много бежало наших солдат и офицеров. А неприятель продолжал осыпать огнем. Когда мы удалились на версту от Красной, тогда полетели в нас снаряды. Отступя верст пять, мы перешли по мосту одну речку. Посмотревши назад, я увидел такую картину. Мадыарская конница во весь карьер неслась на наших солдат, которые были позади. Но вот солдаты повернулись к неприятелю и стали отстреливаться, в это же время на выручку пронеслась по мосту сотня казаков. Мадыары, повернув коней, скрылись.

Но все ж таки немало при отступлении попало наших в плен.

Австрийцев же за два дня наш полк взял 1600 человек и несколько офицеров. Начальник дивизии генерал-лейтенант Шипов благодарил за этот бой. В нашей роте до боя было 250 человек, возвратилось из-под Красного 106 человек. В первой роте осталось 73 человека, убили двух ротных командиров и фельдфебеля, в 4-й роте осталось 40 человек и ротного командира ранило. Ночью мы отступили за местечко Рожнитоно.

День 9 февраля мы пробыли в одной деревне на отдыхе, здесь много дали хлеба, консервов, сахару и масла.

Ночь на 10-е были в сторожевом охране, а утром 10 февраля наш первый батальон повели в местечко Рожнитоно. Наши передовые позиции находились здесь в окрестностях Рожнитоно, в одной версте по обе стороны шоссе, которое идет от Красного,

занимал окопы Ижорский полк, правее шоссе был лес большой. Крайну леса занимали австрийки, а шагов на 500 от лесу были наши окопы. Здесь все времени бой был упорный, стрельба не прекращалась ни на минуту. А левее Ижорского занимал окопы Березинский полк.

В ночь на 11 февраля 1-й батальон наш пошел в сторожевое охранение между Ижорским и Березинским полками. Ночь была темная, валил хлопьями мокрый снег, местность, где нас расположили, болотистая. Вода стояла лужами, смешанная со снегом. Мы шли мимо окопов Березинского полка, между кустарников сидели солдаты, на кусты повесив сена, и получалось нечто вроде крыши. Сидели, согнувшись от холода, занесенные снегом. Окопы рыть здесь нельзя, много воды. Нас привели на открытое место, здесь не было даже и кустов. Тогда мы стали собирать торфяные кочки и клали их стенкою так, чтобы сделать хотя бы небольшое прикрытие под себя. На землю набросали хворосту, чтобы вода не особенно подмачивала, и так пролежали ночь, дрожа от холода, мокрый снег таял и стекал за ворот. К утру, когда нас сняли, мы все были совершенно мокрые с головы до ног.

Днем 11 февраля мы стояли в резерве в местечке Рожнитово, здесь мы попили чаю и обогрелись. Пули неприятеля летели, и в местечке рва-

лись шрапнели. Школу, в которой помещался штаб Ижорского полка, всю разрушили снарядами, повредили костел и продолжали обстреливать все местечко. Жители покидали дома и уходили в подземелья. Несколько раз австрийцы из лесу бросались в атаку, но каждый раз были отбиты.

Ижорцы тоже много раз ходили в атаку. В ночь на 12 февраля мы опять пошли в сторожевое охранение. Ночь была холодная, на земле лежал снег, он сегодня не таял. Пошли прямым направлением. Пришлось переходить вброд речку шириною сажень 15, вода быстро в ней текла, смешанная со снегом, выбрали, где было помельче, и стали переходить друг за другом, но все ж таки вода хватала выше колен, все начерпали в сапоги. Вот перебрались на другой берег и стали рыть окопы. Когда вырыли, я снял сапоги, вылил воду и надел сухие портянки, которые имел в мешке, но все же ноги зябли. Пришлось бегать всю ночь позади окопов. Позиция неприятеля была в полуверсте от нас. Они всю ночь бросали ракеты и освещали пространство прожектором. Изредка раздавались орудийные выстрелы, но ружейной стрельбы не было, не считая редких выстрелов на позиции. Продрогши страшно за ночь, к утру пришли в Рожнитово, здесь в халупе согрели чаю и закусили, у кого что было.

Настал день 12 февраля, этот день тем памятен, что в этот день я попал в плен.

Против нас здесь действовали венгерские корпуса, как я узнал впоследствии, переброшенные с Сербского фронта. Венгерцы у них дерутся настойчиво. Уже с раннего утра слышен был страшный огонь, на позиции пулеметы трещали непрерывно, снаряды летели в местечко, зажигая постройки. Штаб Ижорского полка переехал в другое место, перевязочный пункт тоже. Я вышел на улицу, пули жужжали по всем направлениям. По ули-

Подстерегает врага. Русский солдат во время боя в деревне. Открытка с фотографии 2 мая 1915 года

Русские солдаты в австрийском плену. Снимок 2 декабря 1915 года

це гнали 600 человек пленных австрийцев, они бросали нам перевязочные пакеты, произнося: «Возьми, пан! Нам не потшеба, мы идем до России». Они были оборваны и в грязи.

Но вот по улице проскакал во весь опор ординарец, он обратился с приказанием к батальонному командиру от начальника бригады, чтобы сейчас же одну роту выслать на помощь ижорцам.

Третью роту построили и повели на позицию. После этого через час времени приказали и нас строить. У меня в тот день страшно тосковало сердце, словно предчувствуя беду. Вот мы построились, вышел наш ротный командир, еще молодой прапорщик Кильчасов. Он встал впереди роты, и мы пошли по улице, на ходу снимая шапки и крестясь. Батарея наша стояла за деревней и стреляла беглым огнем, много в тот день выпустила она снарядов.

Когда мы шли по улице, навстречу шло много раненых, вид их всегда наводит удручающее впечатление, с лицами в крови с синими подтеками, с подвязанными руками, шагали они оттуда, где лилась кровь горячая людская. Где раненые не в силах подняться, просили, кричали санитаров, но никто их не слушал, потому что всякий жизнь свою ставил на карту. Смерть носилась, ви-

тала у каждого над головою. Товарищ твой, полный сил и здоровья, идущий рядом с тобой, вскрикивал, валился на землю, а ты шагал дальше, не обращая на него внимания.

Когда бываешь в бою, очутишься в сфере огня, не чувствуешь страха, который бывает перед боем, забываешь семью и самого себя. Когда мы прошли костел и разбитую школу, здесь по мосту перешли ручей и вышли

на окраину местечка, нам приказали по канаве перебежать за сарай на каменных столбах. Дальше постройки не было, начиналось поле, вправо виднелся большой лес в расстоянии около версты. Опушку занимал неприятель, а от лесу к шоссе шли наши окопы. На горке ихние пулеметы ни на минуту не смолкали. Здесь был командир Ижорского полка и наш батальонный. К командиру подъехал ординарец, стал докладывать, что роты почти все разбиты, а две роты взяты в плен. «Они сейчас прорвутся», - закончил ординарец.

Командир сказал что-то батальонному, а батальонный приказал идти в наступление нашей роте. Когда мы рассыпались в цепь, с первых шагов многих поранило. Ротный командир шел впереди, обнажив пашку, перебежек мы не делали, а шли скорым шагом, и по мере того как мы шли, цепь наша все редела. Вот упал Иванов Костромской г. - пуля пробила голову, унтер-офицера Петрова ранило в живот, унтер-офицера Курочкина - в живот и в ногу, Николаева убило. Окопы наши на горке занял австриец, это передали по телефону, и наша батарея стала жарить беглым огнем по окопам. Столбы земли летели вверх вместе с разорванными австрийцами. Очень

удачно попадала артиллерия, я сам этому очевидец. Это было в 200 шагах перед нашими глазами, снарядами срыли все окопы и гору, но мы подошли к окопам близко. Артиллерии стрелять уже было нельзя. Тут мы закричали «ура» и побежали в атаку. У них пулемет стоял на шоссе и два на опушке леса. Когда мы бежали в атаку, они больше половины срезали наших. В окопы бежит нас мало, остановились перед окопами и стали стрелять с колена. Сделав несколько выстрелов, мы заняли потом боковой окоп перед лесом, в это время тяжело ранило ротного командира. Его понесли на палатке в местечко четверо солдат, но одного из них убило, не знаю, что стало с ротным. Я посмотрел по направлению к местечку - все поле было усеяно трупами. От местечка к нам на помощь не шло ни одного солдата. Австрияки из лесу стали перебегать в верхний окоп, он был не занят, и стали стрелять по нам продольным огнем. Траверсов у нас в окопе не было, и скрыться было невозможно. Мы отстреливались. Вот у нас в окопе убили Федорова унтера. Я чувствовал, что наступил ужасный момент. Нас было мало. Австрийцы это прекрасно видели, и из лесу все перебегали в верхние окопы. Вот с криками «ура» бегут к нам в окоп. Мы сделали несколько выстрелов. Настал последний момент: или смерть, или плен - то и другое ужасно. Они уже в окопе и кричат: бросай пушку и угрожают штыками.

Солдаты бросают ружья, снаряжение, и ведут нас в тот большой лес, который они занимали. Тут на опушке леса валяется масса убитых австрийцев. Было часа 4 пополудни 12 февраля. Так печально закончилась моя боевая жизнь. 32 человека, которые остались в живых, все попали в плен.

Из нашей роты вместе со мной попавшие в плен:

унтер-офицер Павел Фролов, Вологодской губернии,

унтер-офицер Федор Сорокин Петергофский,

рядовой Яков Ильин Новгородский,

рядовой Иван Шухалов Ярославский,

рядовой Ф. Шухалов - тоже,

рядовой Михаил Ларионов Архангельский,

рядовой Максим Бобыкин - тоже,

рядовой Кирил Кузьмич Минской,

рядовой Залучаев Московской,

рядовой Серов Нижегородский.

Остальные попали в другие партии, так что фамилий я не знаю.

Унтер-офицер Вологодской губернии Грязовецкой волости деревни Ильинского Евгений Христофоров ГУСЕВ 296-го пехотного Грязовецкого полка 2-й роты.

В этой книжке 48 листов. Писана в плену в Австрии в 1915 году.

Лагерь пленных вблизи города Линца.